

Попытка ревности. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://tsvetaevamarina.ru/> Приятного чтения!

Попытка ревности. Марина Ивановна Цветаева

Владимир Смирнов

Стихия стиха

Стихи – одна из форм существования поэзии. Наверное, архитектурно самая совершенная. Как раковина хранит шум моря, так стихи, если в них живут «творящий дух и жизни случай», хранят музыку мира. Без нее мир «безмолвен», как некогда писал Борис Асафьев.

В стихе кристаллизованы все возможности языка. Язык и выражает, и хранит, и таит. Лишь стихи способны в «нераздельности и неслиянности» объять содержательно-понятийное, интонационно-звуковое, музыкально-ритмическое, живописно-пластическое и множество других языковых начал. Только молитва и стих (песня!) способны разомкнуть внутреннюю форму слова, освободить множество смыслов, позволить прикоснуться к прапамяти и внять пророчествам. Верно, люди чаще всего внимают иллюзиям и обманам. Они, да простит Пушкин, «обманываться рады».

Стихи далеко не всегда проговариваются поэзией. В замысле и исполнении устройство их должно совпасть, пусть и не полностью, с «многосоставностью», по слову Анненского, личности художника (как правило, человека не столь жизни, сколь судьбы) и текучей многосмысленностью поэтического слова. С тем, что – до слова, в – слове, за – словом и после слова.

У Цветаевой об этом просто: «Равенство дара души и глагола – вот поэт». Таким поэтом она и пребывает в бескрайности русского мира, в нашем национальном мифе, в бесконечном «часе мировых сиротств». Несчастливая и торжествующая, любимая и порицаемая, и всегда родная.

Марина Цветаева прожила почти 50 лет. Но каких лет! Как прожила! Обо всем этом нынче хорошо известно. Вот уж к кому в XX веке применимо пушкинское – «и от судеб защиты нет». А обстоятельства личной жизни! А каждодневное палачество быта, с первых лет революции и до смертного часа! И при всем том непостижимая творческая мощь, «ослепительная расточительность» и «огненная несговорчивость» (выражения Георгия Адамовича по другим поводам, но чрезвычайно точные применительно к Цветаевой).

Количественные характеристики, как правило, отношения к искусству не имеют. Но размах иной художественной стихии измеряется и подобным образом. Анна Саакянц, замечательный исследователь и биограф поэта, в одной из своих работ привела такую «статистику»: «Марина Цветаева написала:

более 800 лирических стихотворений,

17 поэм,

8 пьес,

около 50 произведений в прозе,

свыше 1000 писем.

Речь идет лишь о выявленном; многое (особенно письма) обнаруживается до сих пор. Не говоря уже о ее закрытом архиве в Москве...»

Таковы труды и дни «слабой» женщины. Даже в неудавшихся вещах, а их у поэта не так мало, вибрирует чудодейственная артистичность и атлетическая изобразительность. Если же «слова и смыслы», интонация и вещей ритм; синтаксис взрыва, лавины, каменоломни – родственно и живо согласуются, то миру явлена поэзия высшего порядка.

Прокрасться...

А может, лучшая победа

Над временем и тяготеньем –

Пройти, чтоб не оставить следа,

Попытка ревности. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Пройти, чтоб не оставить тени
На стенах...

        Может быть – отказом
Взять? Вычеркнуться из зеркал?
Так: Лермонтовым по Кавказу
Прокрасться, не встревожив скал.
А может – лучшая потеха
Перстом Себастиана Баха
Органного не тронуть эха?
Распасться, не оставив праха
На урну...

        Может быть – обманом
Взять? Выписаться из широт?
Так: Временем как океаном
Прокрасться, не встревожив вод..
Вот он – «Голос правды небесной против правды земной».
Цветаева жила не во времени – «Время! Я тебя миную». Она жила во временах. Ее стих несет в себе напряженную звучность, пронзительный и пронзающий лёт стрелы, пущенной воином Тамерлана через века в вечность.

Променявши на стремя –
Поминайте коня ворона!
Невозвратна как время,
Но возвратна как вы, времена
Года, с первым из встречных
Предающая дело родни,
Равнодушна как вечность,
Но пристрастна как первые дни..
Это не славлюбивые хлопоты о будущем и не надежды на посмертное признание, не своеволие одержимого художника.

Философ, историк-публицист Георгий Федотов в статье «О Парижской поэзии», которая была напечатана в Нью-Йорке в 1942 году (автор не знал о смерти Цветаевой), писал о поэте: «Для нее парижское изгнание было случайностью. Для большинства молодых поэтов она осталась чужой, как и они для нее. Странно и горестно было видеть это духовное одиночество большого поэта, хотя и понимаешь, что это не могло быть иначе. Марина Цветаева была не парижской, а московской школы. Ее место там, между Маяковским и Пастернаком. Созвучная революции, как стихийной грозе, она не могла примириться с коммунистическим рабством». С последующим утверждением Федотова – «На чужбине она нашла нищету, пустоту, одиночество» – согласиться трудно. Вернее, с абсолютностью этого утверждения. Тогда откуда же при столь мертвящей скудости, в жизненной и житейской пустыне вулканическое извержение творчества, вдохновенное и неукротимое? Для этого нужны небывалые источники. В пустыне их нет. У Цветаевой, несмотря ни на что, они были. О чем-то мы знаем, о чем-то догадываемся.

Сознавая, что «ясновидение и печаль» есть тайный опыт поэта, опыт неделимый и сокровенный, можно с большой долей вероятности предполагать, что животворящий источник ее поэзии – Россия, родина, – во всей полноте временных и пространственных измерений, красочно-пластических, звуковых, слуховых и многих других начал, «того безмерно сложного и таинственного, что содержит в себе географическое название страны», как некогда сказал Адамович. О том, как присутствует Россия во всем, что писала и чем жила Цветаева, говорить излишне и неуместно, ибо – очевидно. Конечно же, это – блоковская «любовь-ненависть». Поэтому для нее и царская Россия (страна матери, детства, юности, любви, семьи, поэзии, счастья); и «белая» Русь (подвиг, жертвы, героика, изгнание); и СССР, где обитают «просветители пещер», где после возвращения «в на-Марс – страну! в без-нас – страну!», «и снег не бел, и хлеб не мил», – одна вечная родина. Сложно множится и ее отношение к революции, большевикам, белому движению.

13 марта 1921 года. «Красная» Москва. Через год Цветаева покинет ее. Пора витийственного «вандейства», песнословий «Дону», Добровольческой армии, и –

Как закон голубиный вымарывая, –
Руку судорогой не свело, –
А случилось: заморское марево
Русским заревом здесь расцвело.

. . . . .

Попытка ревности. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Эх вы правая с левой две vareжки!
Та же шерсть вас вязала в клубок!
Дерзновенное слово: товарищи
Сменит прежняя быль: голубок.
Побратавшись да левая с правою,
Встанет – всем Тамерланам на грусть!
В струпьях, в язвах, в прокаже – оправдана,
Ибо есть и останется – Русь.

О вопиющих противоречиях Цветаевой, о невысказанных крайностях написано и сказано много. Энергия и сила, дарованные ей в избытке, несли в себе и неизбежную разрушительность. Словесная буря и ураган ритма порой приводили поэта к своеобразному «хлыстовству» и «шаманству». Кажется, что ее «переполненности» было тесно в литературе и жизни. По-другому и быть с ней не могло. Но на всех путях и перепутьях, в бурне самосожжения Цветаеву хранил «спасительный яд творческих противоречий», эта родовая купель художника, по Александру Блоку.

Всякий значительный поэт у одних вызывает восхищение и признательность, у других – отторжение и неприятие. Не в счет капризно-раздраженные сентенции «нарциссов чернильницы». В связи с этим очень важны суждения ее многолетних, в эмигрантскую пору, оппонентов-соперников, недругов-петербуржцев. Язвительной пристальностью и «стильной» солью оценок они доносили Цветаеву. Один из них – поэт и критик Георгий Адамович, другой – гениальный лирик нашего столетия Георгий Иванов.

Адамович и Цветаева – это долгая литературная война, с бездной взаимных претензий и выпадов; война не мелочная, вызванная глубинной чуждостью замечательных людей.

«Первый критик эмиграции», так заслуженно именовали Адамовича, был последователен и беспощаден, всегда и всюду, ко всему, что считал у Цветаевой слабым, недолжным, кокетливо-истерическим. Из его сокрушительных «мнений» можно составить небольшую антологию. Цветаева, кстати, отвечала тем же. Но вот в рецензии на сборник «После России» в июне 1928 года Адамович, изложив обычные для него и читателей соображения об «архивчерашней поэзии Цветаевой», где «стих спотыкается на каждом шагу», а «музыка исчезла», неожиданно произносит: «...Марина Цветаева истинный и даже редкий поэт... есть в каждом ее стихотворении единое цельное ощущение мира, т. е. врожденное сознание, что всё в мире – политика, любовь, религия, поэзия, история, решительно всё – составляет один клубок, на отдельные источники не разложимый. Касаясь одной какой-нибудь темы, Цветаева всегда касается всей жизни». Здесь Адамович ясно и просто назвал самое существенное у Цветаевой, «строительное» начало ее поэзии и личности – «всегда касается всей жизни».

Даровитый, умный, духовно-щедрый литературный враг оказался пронзительнее многих «близких». Не случайно, что последняя запись в рабочей тетради Цветаевой, в июне 1939, накануне отъезда в Россию, – стихотворение Адамовича «Был дом, как пещера. О, дай же мне вспомнить...», с припиской М.И.: «Чужие стихи, но к-рые местами могли быть моими». Наверное, такими вот «местами»:

Был дом, как пещера. И слабые, зимние
Зеленые звезды. И снег, и покой...
Конец. Навсегда. Обрывается линия.
Поэзия, жизнь! Я прощаюсь с тобой.
Адамович прожил долгую жизнь. Он умер во Франции восьмидесятилетним патриархом. В 1972 году. Незадолго до смерти он напечатал одно из последних своих стихотворений. Называется оно «Памяти М. Ц.». Таинственная вещь:

Поговорить бы хоть теперь, Марина!
При жизни не пришлось. Теперь вас нет.
Но слышится мне голос лебединый,
Как вестник торжества и вестник бед.
.
.
.
Не я виной. Как много в мире боли.
Но ведь и вас я не виню ни в чем.
Все – по случайности, все – по неволе.
Как чудно жить. Как плохо мы живем.
Не лучшие стихи Адамовича, простенькие стихи. Но все искупает ровный и мягкий свет прощания и прощения.

Попытка ревности. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Тяжкими были последние годы некогда баловня судьбы Георгия Иванова. А стихи писал он тогда «небесные». Несколько строк из письма Роману Гулю, из Франции в Америку (пятидесятые годы): «Насчет Цветаевой... Я не только литературно – заранее прощаю все ее выверты – люблю ее всю, но еще и «общественно» она очень мила. Терпеть не могу ничего твердокаменного и принципиального по отношению к России. Ну, и «ошибалась». Ну, и болталась то к красным, то к белым. И получала плевки от тех, и от других. «А судьи кто?» И камни, брошенные в нее, по-моему, возвращаются автоматически, как бумеранг, во лбы тупиц – и сволочей, – которые ее осуждали. И, если когда-нибудь возможен для русских людей «гражданский мир», взаимное «пожатие руки» – нравится это кому или не нравится – пойдет это, мне кажется, приблизительно по цветаевской линии». Странное, поразительное и пронзительное признание. Его стоило привести хотя бы потому, что во многих писаниях о Цветаевой, в угоду безбрежной апологии поэта замалчивается или искажается неизбежная сложность (рядом с достоинствами провалы, срывы и тупики; с прозрениями – слепота; рядом с мощью и силой – слабость) его искусства и жизни. Как большой художник, как «душа, не знающая меры», она всё это несла в себе. Такими, всяк на свой лад, были ее «братья по песенной беде» – Маяковский, Есенин, Пастернак.

В эмиграции ей, как и многим русским изгнанникам, открылась убийственная недолжность миропорядка вообще. Европа, где «последняя труба окраины о праведности вопиет», «после России» обернулась не меньшим адом. Антибуржуазность в крови у русских художников. Цветаева не исключение. В этом она наследница наших гигантов XIX века и Александра Блока (святое для нее имя). Потому именно ей принадлежит высокая и гневная скрижаль – стихотворение «Хвала богатым». Смешны и нелепы объяснения того, что в нем выражено, цветаевским «наперекор всем и всему», неустроенностью, неотступностью бед, нищетой, скитальчеством. Если предположить невозможное – ее благополучие на чужбине – она бы осталась Цветаевой в каждом слове, каждом поступке, каждом шаге и каждом вздохе.

Всюду у Цветаевой звучит отказ от мелочного торгашества времени, тюремно-казарменных «эпох», чертовщины урбанизма («Ребенок растет на асфальте и будет жестоким как он»). С годами все сильнее мучает искушение «Творцу вернуть билет» –

Отказываюсь – быть.
В Бедламе нелюдей
Отказываюсь – жить.
С волками площадей
Отказываюсь – выть.
С акулами равнин
Отказываюсь плыть –
Вниз – по теченью спин.
Не надо мне ни дыр
Ушных, ни вещей глаз.
На твой безумный мир
Ответ один – отказ.
На заре торжества и всевластия «печатной сивухи», по слову так ценимого ею Василия Розанова, она с твердой правотой и брезгливостью отвергла в стихотворении «Читатели газет» развоплощение человека перед «информационным зеркалом», нарастающим до наших дней планетарным бедствием:

Газет – читай: клевет,
Газет – читай: растрат.
Что ни столбец – навет,
Что ни абзац – отврат...
О, с чем на Страшный суд
Предстанете: на свет!
Хвататели минут,
Читатели газет!

. . . . .
Кто наших сыновей
Гноит во цвете лет?
Смесители кровей
Писатели газет!

– В поэзии Цветаевой присутствуют с замечательной живостью драгоценные свойства русской литературы, ее родовые черты: трагическое переплетенье «родного и вселенского», всеотзывчивость, сострадание и сорадование миру и человеку, лихое

Попытка ревности. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
веселье и беспросветная тоска. По-пушкински, по-лицейски она воспела дружбу,
братство, товарищество. Ее русскость сказалась во многом. Как, впрочем, и
европейскость. А как у нее звучит такое наше – дорога, дорожное, станции,
вокзалы, рельсы, встречи, расставанья – «провожаю дорогу железную»!

Первые книги Цветаевой появились в начале 10-х годов. Ее искусство развивалось с
невероятной интенсивностью и на родине, и в эмиграции. Очаровательная домашность
первых стихов, их искренность держались на сильной изобразительной воле,
сдерживающей патетику духовно-душевного максимализма и воинствующего романтизма.
Поэтический мир Цветаевой всегда оставался монологическим, но сложнейшим образом
оркестрованным вопросительными заклинаниями, плачем и пением. При устойчивой,
обуздывающей традиционности, ее поэзия восприимчива к авангардным способам
лирического выражения (Белый, Хлебников, Маяковский, Пастернак).

Духовно и эстетически близкий Цветаевой выдающийся историк литературы и критик
Дмитрий Святополк-Мирский, человек странно-страшной судьбы, указал на важную
особенность словесного дара поэта: «...с точки зрения чисто языковой Цветаева
очень русская, почти что такая же русская, как Розанов или Ремизов, но эта особо
прочная связь ее с русским языком объясняется не тем, что он русский, а тем, что
он язык: дарование ее напряженно словесное, лингвистичное, и пиши она, скажем,
по-немецки, ее стихи были бы такими же насыщенно-немецкими, как настоящие ее
стихи насыщенно-русские».

О словесно-образной манере Цветаевой, ее стиховом симфонизме превосходно, с
отчетливой краткостью писал Владислав Ходасевич в 1925 году в рецензии на поэму
«Молодец». В частном (сказочное, народно-песенное и литературно-книжное) он
провидчески «схватил» общее: «Некоторая «заумность» лежит в природе поэзии.
Слово и звук в поэзии не рабы смысла, а равноправные граждане. Беда, если одно
господствует над другим. Самодержавие «идеи» приводит к плохим стихам.
Взбунтовавшиеся звуки, изгоняя смысл, производят анархию, хаос – глупость.

Мысль об освобождении материала, а может быть, и увлечение Пастернаком принесли
Цветаевой большую пользу: помогли ей найти, понять и усвоить те чисто звуковые и
словесные знания, которые играют такую огромную роль в народной песне. <...> ...
сказка Цветаевой столько же хочет поведать, сколько и просто спеть, вывести
голосом, «проголосить». Необходимо добавить, что удается это Цветаевой
изумительно. <...> Ее словарь и богат, и цветист, и обращается она с ним
мастерски». Слова Ходасевича справедливы применительно ко всей поэзии Цветаевой,
поэзии насквозь музыкальной в самом простом и в сложно-модерном смыслах. В этом
отношении после Блока ей нет равных.

Яркий и неповторимый язык Цветаевой поражал и поражает. Хотя оригинального
писателя без оригинального языка не бывает вообще, суть не в самой
оригинальности стиля, а в ее природе. «Писать надо не талантом, а прямым
чувством жизни», – заметил великий Андрей Платонов. Стиль – уже следствие. Слова
Платонова вполне относимы к Цветаевой. Ее мировидение, мироощущение и породили
именно «цветаевское» мировоплощение.

В 1916 году с дерзким задором она выкрикнула:

Вечной памяти не хочу
На родной земле.
Позднее, в ноябре 1920, было и такое упование:

Любовь! Любовь! И в судорогах, и в гробе
Насторожусь – прельщусь – смущусь

– рванусь.

О милая! – Ни в гробовом сугробе,
Ни в облачном с тобою не прощусь.
И не на то мне пара крыл прекрасных
Дана, чтоб на сердце держать пуды.
Спеленутых, безглазых и безгласных
Я не умножу жалкой слободы.
Нет, выпростаю руки! – Стан упругий
Единым взмахом из твоих пелен
– Смерть – выбью! Верст на тысячу в округе
Растоплены снега и лес спален.
И если все ж – плеча, крыла, колена

Попытка ревности. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Сжав – на погост дала себя увести, –
То лишь затем, чтобы, смеясь над тленом,
Стихом восстать – иль розаном расцвести!
И ВОССТАЛА!

Ныне же вся родина причащается тайн своих

Марина Цветаева. Скульптура работы Н. Крандиевской. 1912 г. Раскрашенный гипс.

Осень в Тарусе
Ясное утро не жарко,
Лугом бежишь налегке.
Медленно тянется барка
Вниз по Оке.

Несколько слов поневоле
Все повторяешь подряд.
Где-то бубенчики в поле
Слабо звенят.

В поле звенят? На лугу ли?
Едут ли на молотьбу?
Глазки на миг заглянули
В чью-то судьбу.

Синяя даль между сосен,
Говор и гул на гумне..
И улыбается осень
Нашей весне.

Жизнь распахнулась, но все же..

Ах, золотые деньки!
Как далеки они, Боже!
Господи, как далеки!

Ока
З
Всё у Боженьки – сердце! Для Бога
Ни любви, ни даров, ни хвалы..
Ах, золотая дорога!
По бокам молодые стволы!

Что мне трепет архангельских крылий?

Попытка ревности. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Мой утраченный рай в уголке,

Где вереницею плыли
Золотые плоты по Оке.

Пусть крыжовник незрелый, несладкий, –
Без конца шелухи под кустом!
Крупные буквы в тетрадке,
Поцелуи без счета потом.

Ни в молитве, ни в песне, ни в гимне
я забвенья найти не могу!
Раннее детство верни мне
и березки на тихом лугу.

4
Бежит тропинка с бугорка,
Как бы под детскими ногами,
Всё так же сонными лугами
Лениво движется Ока;

Колокола звонят в тени,
Спешат удары за ударом,
И всё поют о добром, старом,
О детском времени они.

О, дни, где утро было рай
и полдень рай и все закаты!
Где были шпагами лопаты
и замком царственным сарай.

Куда ушли, в какую даль вы?
Что между нами пролегло?
Всё так же сонно-тяжело
Качаются на клумбах мальвы...

Домики старой Москвы
Слава прабабушек томных,
Домики старой Москвы,
Из переулочков скромных
Все исчезаете вы,

Точно дворцы ледяные
По мановенью жезла.
Где потолки расписные,
До потолков зеркала?

Где клавесина аккорды,
Темные шторы в цветах,
Великолепные морды
На вековых воротáх,

Кудри, склоненные к пальцам,
Взгляды портретов в упор..
Странно постукивать пальцем
О деревянный забор!

Домики с знаком породы,
С видом ее сторожей,
Вас заменили уроды, –
Грузные, в шесть этажей.

Домовладельцы – их право!
И погибаете вы,
Томных прабабушек слава,
Домики старой Москвы.

В. Я. Брюсову
– Я забыла, что сердце в вас – только ночник,
Не звезда! Я забыла об этом!
Что поэзия ваша из книг
И из зависти – критика. Ранний старик,
Вы опять мне на миг
Показались великим поэтом...

1912

Сергей Эфрон

Марина Цветаева и Сергей Эфрон. Коктебель, 1911 г.
Страница 8

Идешь, на меня похожий..
Идешь, на меня похожий,

Глаза устремляя вниз.

я их опускала – тоже!

Прохожий, остановись!

Прочти – слепоты куриной

и маков набрав букет –

что звали меня Мариной

и сколько мне было лет.

Не думай, что здесь – могила,

что я появлюсь, грозя..

я слишком сама любила

смеяться, когда нельзя!

И кровь прилиwała к коже,

и кудри мои вились..

я тоже была, прохожий!

Прохожий, остановись!

Сорви себе стебель дикий

и ягоду ему вслед:

Кладбищенской земляники

Крупнее и слаще нет.

Но только не стой угрюмо,

Главу опустив на грудь.

Легко обо мне подумай,

легко обо мне забудь.

Как луч тебя освещает!

Ты весь в золотой пыли..

И пусть тебя не смущает

мой голос из-под земли.

Коктебель, 3 мая 1913

«Моим стихам, написанным так рано...»

Попытка ревности. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Моим стихам, написанным так рано,

Что и не знала я, что я – поэт,
Сорвавшимся, как брызги из фонтана,
Как искры из ракет,

Ворвавшимся, как маленькие черти,
В святилище, где сон и фимиам,
Моим стихам о юности и смерти, –
Нечитанным стихам!

Разбросанным в пыли по магазинам,
Где их никто не брал и не берет,
Моим стихам, как драгоценным винам,
Настанет свой черед.

Коктебель, 13 мая 1913

«Вы, идущие мимо меня...»
Вы, идущие мимо меня

К не моим и сомнительным чарам, –
Если б знали вы, сколько огня,
Сколько жизни, растроченной даром,

И какой героический пыл
На случайную тень и на шорох...
– И как сердце мне испепелил
Этот даром истраченный порох!

О, летящие в ночь поезда,
Уносящие сон на вокзале...
Впрочем, знаю я, что и тогда
Не узнали бы вы – если б знали –

Почему мои речи резки
В вечном дыме моей папиросы, –
Сколько темной и грозной тоски
В голове моей светловолосой.

17 мая 1913

Попытка ревности. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Встреча с Пушкиным

Я поднимаюсь по белой дороге,
Пыльной, звенящей, крутой.

Не устают мои легкие ноги
Выситься над высотой.

Слева – крутая спина Аю-Дага,
Синяя бездна – окрест.
Я вспоминаю курчавого мага
Этих лирических мест.

Вижу его на дороге и в гроте...
Смуглую руку у лба...
– Точно стеклянная на повороте
Продребезжала арба... –

Запах – из детства – какого-то дыма
Или каких-то племен...
Очарование прежнего Крыма
Пушкинских милых времен.

Пушкин! – Ты знал бы по первому взору,
кто у тебя на пути.
И просиял бы, и под руку в гору
Не предложил мне идти.

Не опираясь о смуглую руку,
я говорила б, идя,
как глубоко презираю науку
И отвергаю вождя,

Как я люблю имена и знамена,
Волосы и голоса,
Старые вина и старые троны,
Каждого встречного пса! –

Полуулыбки в ответ на вопросы,
И молодых королей...

Попытка ревности. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Как я люблю огонек папиросы

В бархатной чаще аллея,

Комедиантов и звон тамбурина,

Золото и серебро,

Неповторимое имя: Марина,

Байрона и болеро,

Ладанки, карты, флаконы и свечи,

Запах кочевий и шуб,

Лживые, в душу идущие, речи

Очаровательных губ.

Эти слова: никогда и навеки,

За колесом – колею...

Смуглые руки и синие реки,

– Ах, – Мариулу твою! –

Треск барабана – мундир властелина –

Окна дворцов и карет,

Рожи в сияющей пасти камина,

Красные звезды ракет...

Вечное сердце свое и служенье

Только ему, Королю!

Сердце свое и свое отраженье

В зеркале... – Как я люблю...

Кончено... – Я бы уж не говорила,

Я посмотрела бы вниз...

Вы бы молчали, так грустно, так мило

Тонкий обняв кипарис.

Мы помолчали бы оба – не так ли? –

Глядя, как где-то у ног,

В милой какой-нибудь маленькой сакле

Первый блеснул огонек.

Попытка ревности. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
и – потому что от худшей печали

Шаг – и не больше – к игре! –

Мы рассмеялись бы и побежали

За руку вниз по горе.

1 октября 1913

«Уж сколько их упало в эту бездну...»
Уж сколько их упало в эту бездну,

Разверстую вдали!

Настанет день, когда и я исчезну

С поверхности земли.

Застынет все, что пело и боролось,

Сияло и рвалось:

И зелень глаз моих, и нежный голос,

И золото волос.

и будет жизнь с ее насущным хлебом,

С забывчивостью дня.

и будет все – как будто бы под небом

и не было меня!

Изменчивой, как дети, в каждой mine

и так недолго злой,

любившей час, когда дрова в камине

Становятся золой,

Виолончель и кавалькады в чаще,

и колокол в селе...

– Меня, такой живой и настоящей

На ласковой земле!

– К вам всем – что мне, ни в чем

не знавшей меры,

Чужие и свои?!

я обращаюсь с требованьем веры

и с просьбой о любви.

Попытка ревности. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
И день и ночь, и письменно и устно:

За правду да и нет,
За то, что мне так часто – слишком грустно
И только двадцать лет,

За то, что мне – прямая неизбежность –
Прощение обид,
За всю мою безудержную нежность,
И слишком гордый вид,

За быстроту стремительных событий,
За правду, за игру...
– Послушайте! – Еще меня любите
За то, что я умру.

8 декабря 1913

«Быть нежной, бешеной и шумной...»
Быть нежной, бешеной и шумной,

– Так жаждать жить! –
Очаровательной и умной, –
Прелестной быть!

Нежнее всех, кто есть и были,
Не знать вины...
– О возмущенье, что в могиле
Мы все равны!

Стать тем, что никому не мило,
– О, стать как лед! –
Не зная ни того, что было,
Ни что придет,

Забуть, как сердце расколосось
И вновь срослось,
Забуть свои слова и голос,
И блеск волос.

Браслет из бирюзы старинной –

Попытка ревности. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
На стебельке,
На этой узкой, этой длинной
Моей руке...

Как, зарисовывая тучку
Издалека,
За перламутровую ручку
Бралась рука,

Как перепрыгивали ноги
Через плетень,
Забыть, как рядом по дороге
Бежала тень.

Забыть, как пламенно в лазури,
Как дни тихи...
– Все шалости свои, все бури
И все стихи!

Мое свершившееся чудо
Разгонит смех.
Я, вечно-розовая, буду
Бледнее всех.

И не раскроются – так надо
– О, пожалей! –
Ни для заката, ни для взгляда,
Ни для полей –

Мой опущенные веки.
– Ни для цветка! –
Моя земля, прости навеки,
На все века.

И так же будут таять луны
И таять снег,
Когда промчится этот юный,
Прелестный век.

Феодосия, Сочельник 1913

Генералам двенадцатого года
Сергею

Вы, чьи широкие шинели
Напоминали паруса,
Чьи шпоры весело звенели
И голоса.

И чьи глаза, как бриллианты,
На сердце вырезали след –
Очаровательные франты
Минувших лет.

Одним ожесточеньем воли
Вы брали сердце и скалу, –
Цари на каждом бранном поле
И на балу.

Вас охраняла длань Господня
И сердце матери. Вчера –
Малютки-мальчики, сегодня –
Офицера.

Вам все вершины были малы
И мягок – самый черствый хлеб,
О молодые генералы
Своих судеб!

. . . . .

Ах, на гравюре полустертой,
В один великолепный миг,
Я встретила, Тучков-четвертый,
Ваш нежный лик,

И вашу хрупкую фигуру,
И золотые ордена...
И я, поцеловав гравюру,

Попытка ревности. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Не знала сна.

О, как – мне кажется – могли вы
Рукою, полною перстней,
И кудри дев ласкать – и гривы
Своих коней.

В одной невероятной скачке
Вы прожили свой краткий век...
И ваши кудри, ваши бачки
Засыпал снег.

Три сотни побеждало – трое!
Лишь мертвый не вставал с земли.
Вы были дети и герои,
Вы все могли.

Что так же трогательно-юно,
Как ваша бешеная рать?..
Вас златокудрая Фортуна
Вела, как мать.

Вы побеждали и любили
Любовь и сабли острее –
И весело переходили
В небытие.

Феодосия, 26 декабря 1913
«Ты, чьи сны еще непробудны...»
Ты, чьи сны еще непробудны,
Чьи движенья еще тихи,
В переулочек сходи Трехпрудный,
Если любишь мои стихи.

О, как солнечно и как звездно
Начат жизненный первый том,
Умоляю – пока не поздно,
Приходи посмотреть наш дом!

Будет скоро тот мир погублен,
Погляди на него тайком,
Пока тополь еще не срублен
И не продан еще наш дом.

Этот тополь! Под ним ютятся
Наши детские вечера.
Этот тополь среди акаций
Цвета пепла и серебра.

Этот мир невозвратно-чудный
Ты застанешь еще, спеши!
В переулок сходи Трехпрудный,
В эту душу моей души.

<1913>

«Над Феодосией угас...»
Над Феодосией угас
Навеки этот день весенний,
И всюду удлиняет тени
Прелестный предвечерний час.

Захлебываясь от тоски,
Иду одна, без всякой мысли,
И опустились и повисли
Две тоненьких моих руки.

Иду вдоль генуэзских стен,
Встречая ветра поцелуи,
И платья шелковые струи
Колеблются вокруг колен.

И скромн ободок кольца,
И трогательно мал и жалок
Букет из нескольких фиалок
Почти у самого лица.

Иду вдоль крепостных валов,

В тоске вечерней и весенней.
И вечер удлиняет тени,
И безнадежность ищет слов.

Феодосия, 14 февраля 1914

Але

1

Ты будешь невинной, тонкой,
Прелестной – и всем чужой.
Пленительной амазонкой,
Стремительной госпожой.

И косы свои, пожалуй,
Ты будешь носить, как шлем,
Ты будешь царицей бала –
И всех молодых поэм.

И многих пронзит, царица,
Насмешливый твой клинок,
И все, что мне – только снится,
Ты будешь иметь у ног.

Все будет тебе покорно,
И все при тебе – тихи.
Ты будешь, как я – бесспорно –
И лучше писать стихи...

Но будешь ли ты – кто знает –
Смертельно виски сжимать,
Как их вот сейчас сжимает
Твоя молодая мать.

5 июня 1914

2

Да, я тебя уже ревную,
Такою ревностью, такой!
Да, я тебя уже волную
Своей тоской.

Моя несчастная природа

В тебе до ужаса ясна:

В твои без месяца два года –

Ты так грустна.

Все куклы мира, все лошадки

Ты без раздумия отдашь –

За листик из моей тетрадки

И карандаш.

Ты с няньками в какой-то ссоре –

Все делать хочется самой.

И вдруг отчаянье, что «море

Ушло домой».

Не передашь тебя – как гордо

я о тебе ни повествуи! –

Когда ты просишь: «Мама, морду

Мне поцелуй».

Ты знаешь, все во мне смеется,

Когда кому-нибудь опять

Никак тебя не удастся

Поцеловать.

я – змей, похитивший царевну, –

Дракон! – Всем женихам – жених!

О свет очей моих! – О ревность

Ночей моих!

6 июня 1914

Бабушке

Продолговатый и твердый овал,

Черного платья раструбы...

Юная бабушка! Кто целовал

Ваши надменные губы?

Руки, которые в залах дворца

Вальсы Шопена играли...

По сторонам ледяного лица –

Локоны в виде спирали.

Темный, прямой и взыскательный взгляд.

Взгляд, к обороне готовый.

Юные женщины так не глядят.

Юная бабушка, – кто Вы?

Сколько возможностей Вы унесли

И невозможностей – сколько? –

В ненасытимую прорву земли,

Двадцатилетняя полька!

День был невинен, и ветер был свеж.

Темные звезды погасли.

– Бабушка! Этот жестокий мятеж

В сердце моем – не от Вас ли?..

4 сентября 1914

Германии
Ты миру отдана на травлю,

И счета нет твоим врагам,

Ну, как же я тебя оставлю?

Ну, как же я тебя предам?

И где возьму благоразумье:

«За око – око, кровь – за кровь», –

Германия – мое безумье!

Германия – моя любовь!

Ну, как же я тебя отвергну,

Мой столь гонимый Vaterland[1],

Где все еще по Кенигсбергу

Проходит узколицый Кант,

Где Фауста нового лелея

В другом забытом городке –

Geheimrath Goethe[2] по аллее
Проходит с тросточкой в руке.

Ну, как же я тебя покину,
Моя германская звезда,
Когда любить наполовину
Я не научена, – когда, –

– От песенок твоих в восторге –
Не слышу лейтенантских шпор,
Когда мне свят святой Георгий
Во Фрейбурге, на Schwabenthor[3].

Когда меня не душит злоба
На Кайзера взлетевший ус,
Когда в влюбленности до гроба
Тебе, Германия, клянусь.

Нет ни волшебней, ни премудрей
Тебя, благоуханный край,
Где чешет золотые кудри
Над вечным Рейном – Лорелей.

Москва, 1 декабря 1914

Анне Ахматовой
Узкий, нерусский стан –

Над фолиантами.

Шаль из турецких стран

Пала, как мантия.

Вас передашь одной

Ломаной черной линией.

Холод – в весельи, зной –

В Вашем унынии.

Вся Ваша жизнь – озноб,

И завершится – чем она?

Попытка ревности. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Облачный – темен – лоб

Юного демона.

Каждого из земных
Вам заиграть – безделица!
И безоружный стих
В сердце нам целится.

В утренний сонный час, –
Кажется, четверть пятого, –
Я полюбила Вас,
Анна Ахматова.

11 февраля 1915

«Мне нравится, что Вы больны не мной...»
Мне нравится, что Вы больны не мной,
Мне нравится, что я больна не Вами,
Что никогда тяжелый шар земной
Не уплывет под нашими ногами.
Мне нравится, что можно быть смешной –
Распущенной – и не играть словами,
И не краснеть удушливой волной,
Слегка соприкоснувшись рукавами.

Мне нравится еще, что Вы при мне
Спокойно обнимаете другую,
Не прочтите мне в адовом огне
Гореть за то, что я не Вас целую.
Что имя нежное мое, мой нежный, не
Упоминаете ни днем ни ночью – всуе...
Что никогда в церковной тишине
Не пропоют над нами: аллилуйя!

Спасибо Вам и сердцем и рукой
За то, что Вы меня – не зная сами! –
Так любите: за мой ночной покой,
За редкость встреч закатными часами,

Попытка ревности. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
За наши не-гулянья под луной,

За солнце не у нас на головами,
За то, что Вы больны – увы! – не мной,
За то, что я больна – увы! – не Вами.

3 мая 1913

«Какой-нибудь предок мой был – скрипач...»
Какой-нибудь предок мой был – скрипач,

Наездник и вор при этом.

Не потому ли мой нрав бродяч
И волосы пахнут ветром!

Не он ли, смуглый, крадет с арбы
Рукой моей – абрикосы,
Виновник страстной моей судьбы,
Курчавый и горбоносый.

Дивясь на пахаря за сохой,
Вертел между губ – шиповник.
Плохой товарищ он был, – лихой
И ласковый был любовник!

Любитель трубки, луны и бус,
И всех молодых соседок...
Еще мне думается, что – трус
Был мой желтоглазый предок.

Что, душу черту продав за грош,
Он в полночь не шел кладбищем!
Еще мне думается, что нож
Носил он за голенищем.

Что не однажды из-за угла
Он прыгал – как кошка – гибкий...
И почему-то я поняла,
Что он – не играл на скрипке!

И было все ему нипочем, –

Попытка ревности. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Как снег прошлогодний – летом!

Таким мой предок был скрипачом.

Я стала – таким поэтом.

23 июня 1915

«Спят трещотки и псы соседовы...»
Спят трещотки и псы соседовы, –

Ни повозок, ни голосов.

О, возлюбленный, не выведывай,

Для чего развожу засов.

Юный месяц идет к полуночи:

Час монахов – и зорких птиц,

Заговорщиков час – и юношей,

Час любовников и убийц.

Здесь у каждого мысль двоякая.

Здесь, ездок, торопи коня.

Мы пройдем, кошельком не звякая

И браслетами не звеня.

Уж с домами дома расходятся,

И на площади спор и пляс...

Здесь, у маленькой Богородицы,

Вся Кордова в любви клялась

У фонтана присядем молча мы

Здесь, на каменное крыльцо,

Где впервые глазами волчьими

Ты нацелился мне в лицо.

Запах розы и запах локона.

Шелест шелка вокруг колен...

О, возлюбленный, – видишь, вот она –

Отравительница! – Кармен.

5 августа 1915

«Заповедей не блюла, не ходила к причастью...»
Заповедей не блюла, не ходила к причастью.

Попытка ревности. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

– Видно, пока надо мной не пропоют литию, –
Буду грешить – как грешу – как грешила:

со страстью!

Господом данными мне чувствами – всеми пятью!

Други! – Сообщники! – Вы, чьи наущения –

жгучи!

– Вы, сопреступники! – Вы, нежные учителя!

Юноши, девы, деревья, созвездия, тучи, –

Богу на Страшном суде вместе ответим,

Земля!

26 сентября 1915

«Я знаю правду! Все прежние правды – прочь!..»
Я знаю правду! Все прежние правды

прочь!

Не надо людям с людьми на земле бороться.

Смотрите: вечер, смотрите: уж скоро ночь.

О чем – поэты, любовники, полководцы?

Уж ветер стелется, уже земля в росе,

Уж скоро звездная в небе застынет выюга,

И под землю скоро уснем мы все,

Кто на земле не давали уснуть друг другу.

3 октября 1915

«Цыганская страсть разлуки!..»
Цыганская страсть разлуки!

Чуть встретишь – уж рвешься прочь!

я лоб уронила в руки,

и думаю, глядя в ночь:

Никто, в наших письмах роясь,

Не понял до глубины,

Как мы вероломны, то есть –

Как сами себе верны.

Попытка ревности. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Октябрь 1915

«Никто ничего не отнял!..»
Никто ничего не отнял!

Мне сладостно, что мы врозь.

Целую Вас – через сотни
Разъединяющих верст.

Я знаю, наш дар – неравен,
Мой голос впервые – тих.
Что Вам, молодой Державин,
Мой невоспитанный стих!

На страшный полет крещу Вас:
Лети, молодой орел!
Ты солнце стерпел, не щурясь, –
Юный ли взгляд мой тяжел?

Нежней и бесповоротней
Никто не глядел Вам вслед...
Целую Вас – через сотни
Разъединяющих лет.

12 февраля 1916

«Ты запрокидываешь голову...»
Ты запрокидываешь голову
Затем, что ты гордец и враль.
Какого спутника веселого
Привел мне нынешний февраль!

Преследуемы оборванцами
И медленно пуская дым,
Торжественными чужестранцами
Проходим городом родным.

Чьи руки бережные нежили
Твои ресницы, красота,
И по каким терновалежиям
Лавровая тебя верста... –

Не спрашиваю. Дух мой алчущий
Переборол уже мечту.
В тебе божественного мальчика, –
Десятилетнего я чту.

Помедлим у реки, полощущей
Цветные бусы фонарей.
Я доведу тебя до площади,
Видавшей отроков-царей...

Мальчишескую боль высвистывай,
И сердце зажимай в горсти...
Мой хладнокровный, мой неистовый
Вольноотпущенник – прости!

18 февраля 1916

«Не сегодня-завтра растает снег...»
Не сегодня-завтра растает снег.
Ты лежишь один под огромной шубой.
Пожалеть тебя, у тебя навек
Пересохли губы.

Тяжело ступаешь и трудно пьешь,
И торопится от тебя прохожий.
Не в таких ли пальцах садовый нож
Зажимал Рогожин?

А глаза, глаза на лице твоём –
Два обугленных прошлолетних круга!
Видно, отроком в невеселый дом
Завела подруга.

Далеко – в ночи – по асфальту – трость,
Двери настезь – в ночь – под ударом ветра.
Заходи – гряди! – нежеланный гость
В мой покой пресветлый.

4 марта 1916

«За девками доглядывать, не скис...»
За девками доглядывать,

Не скис ли в жбане квас, оладьи не остыли ль,
Да перстни пересчитывать, анис
Всыпая в узкогорлые бутылки.

Кудельную расправить бабке нить,
Да ладаном курить по дому росным,
Да под руку торжественно проплыть
Соборной площадью, гремя шелками, с крестным

Кормилица с дородным петухом
В переднике – как ночь ее повойник! –
Докладывает древним шепотком,
Что молодой – в часовенке – покойник...

И ладанное облако углы
Унылой обволакивает ризой,
И яблони – что ангелы – белы,
И голуби на них – что ладан – сизы.

И странница, потягивая квас
Из чайника, на краешке лежанки,
О Разине досказывает сказ
И о его прекрасной персиянке.

26 марта 1916

Стихи о Москве

1

Облака – вокруг,

Купола – вокруг,

Надо всей Москвой

Сколько хватит рук! –

Возношу тебя, бремя лучшее,

Деревцо мое

Невесомое!

В дивном граде сем,

Попытка ревности. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
В мирном граде сем,

Где и мертвой – мне
Будет радостно, –
Царевать тебе, горевать тебе,
Принимать венец,
О мой первенец!

Ты постом говей,
Не сурьми бровей
И все сорок – чти –
Сороков церковей.
Исходи пешком – молодым шажком! –
Все привольное
Семихолмие.

Будет твой черед:
Тоже – дочери
Передашь Москву
С нежной горечью.
Мне же вольный сон, колокольный звон,
Зори ранние –
На Ваганькове.

31 марта 1916

2
Из рук моих – нерукотворный град
Прими, мой странный, мой прекрасный брат.

По церковке – все сорок сороков,
И реющих над ними голубков.

И Спасские – с цветами – ворота,
Где шапка православного снята.

Часовню звездную – приют от зол –
Где вытертый от поцелуев – пол.

Пятисоборный несравненный круг

Попытка ревности. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Прими, мой древний, вдохновенный друг.

К Нечаянная Радости в саду

я гостя чужеземного сведу.

Червонные возблещут купола,

Бессонные взгремят колокола,

И на тебя с багряных облаков

Уронит Богородица покров,

И встанешь ты, исполнен дивных сил...

Ты не раскаешься, что ты меня любил.

31 марта 1916

3
Мимо ночных башен

Площади нас мчат.

Ох, как в ночи страшен

Рев молодых солдат!

Греми, громкое сердце!

Жарко целуй, любовь!

Ох, этот рев зверский!

Дерзкая – ох – кровь!

Мой рот разгарчив,

Даром, что свят – вид.

Как золотой ларчик

Иверская горит.

Ты озорство прикончи,

Да засвети свечу,

чтобы с тобой нонче

не было – как хочу.

31 марта 1916

4
Настанет день – печальный, говорят!

Отцарствуют, отплачут, отгорят,

– Остужены чужими пятаками –
Мои глаза, подвижные как пламя.
И – двойника нащупавший двойник –
Сквозь легкое лицо проступит лик.
О, наконец тебя я удостоюсь,
Благообразия прекрасный пояс!

А издали – завизжу ли и вас? –
Потянется, растерянно крестясь,
Паломничество по дорожке черной
К моей руке, которой не отдерну,
К моей руке, с которой снят запрет,
К моей руке, которой больше нет.

На ваши поцелуи, о, живые,
Я ничего не возражу – впервые.
Меня окутал с головы до пят
Благообразия прекрасный плат.
Ничто меня уже не вгонит в краску,
Святая у меня сегодня Пасха.

По улицам оставленной Москвы
Поеду – я, и побредете – вы.
И не один дорогою отстанет,
И первый ком о крышку гроба грянет, –
И наконец-то будет разрешен
Себялюбивый, одинокий сон.
И ничего не надобно отныне
Новопреставленной болярыне Марине.

11 апреля 1916

1-й день Пасхи

5
Над городом, отвергнутым Петром,
Перекатился колокольный гром.

Гремучий опрокинулся прибор

Попытка ревности. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Над женщиной, отвергнутой тобой.

Царю Петру и вам, о царь, хвала!

Но выше вас, цари, колокола.

Пока они гремят из синева –

Неоспоримо первенство Москвы.

И целых сорок сороков церквей

Смеются над гордынею царей!

28 мая 1916

6

Над синевою подмосковных роц

Накрапывает колокольный дождь.

Бредут слепцы калужскою дорогой, –

Калужской – песенной – прекрасной, и она

Смывает и смывает имена

Смиранных странников, во тьме поющих

Бога.

И думаю: когда-нибудь и я,

Устав от вас, враги, от вас, друзья,

И от уступчивости речи русской, –

Одену крест серебряный на грудь,

Перекрещусь, и тихо тронусь в путь

По старой по дороге по калужской.

Троицын день 1916

7

Семь холмов – как семь колоколов!

На семи колоколах – колокольни.

Всех счетом – сорок сороков.

Колокольное семихолмие!

В колокольный я, во червонный день

Иоанна родилась Богослова.

Попытка ревности. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Дом – пряник, а вокруг плетень

И церковки златоголовые.

И любила же, любила же я первый звон,
Как монашки потекут к обедне,
Вой в печке и жаркий сон,
И знахарку с двора соседнего.

Провожай же меня весь московский сброд,
Юродивый, воровской, хлыстовский!
Поп, крепче позаткни мне рот
Колокольной землей московскою!

8 июля 1916. Казанская

8
– Москва! – Какой огромный

Странноприимный дом!
Всяк на Руси – бездомный.
Мы все к тебе придем.

Клеймо позорит плечи,
За голенищем нож.
Издалека–далече
Ты все же позовешь.

На каторжные клейма,
На всякую болесьть –
Младенец Пантелеймон
У нас, целитель, есть.

А вон за тою дверцей,
Куда народ валит, –

Там Иверское сердце
Червонное горит.

И льется аллилуйя
На смуглые поля.
Я в грудь тебя целую,

Московская земля!

8 июля 1916. Казанская

9
Красною кистью
Рябина зажглась.
Падали листья,
я родилась.

Спорили сотни
Колоколов.
День был субботний:
Иоанн Богослов.

Мне и доньне
Хочется грызть
Жаркой рябины
Горькую кисть.

16 августа 1916

«Говорила мне бабка лютая...»
Говорила мне бабка лютая,
Коромыслом от злости гнутая:
– Не дремить тебе в люльке дитятка,
Не белить тебе пряжи вытканной, –
Царевать тебе – под заборами!
Целовать тебе, внучка, – ворона.

Ровно облако побелела я:
Вынимайте рубашку белую,
Жеребка не гоните черного,
Не поите попа соборного,
Вы кладите меня под яблоней,
Без моления да без ладана.

Поясной поклон, благодарствие
За совет да за милость царскую,
За карманы твои порожние

Да за песни твои острожные,
За позор пополам со смутюю, –
За любовь за твою за лютую.

Как ударит соборный колокол –
Сволокут меня черти волоком,
Я за чаркой, с тобою распитой,
Говорила, скажу и Господу, –
Что любила тебя, мальчоночка,
Пуще славы и пуще солнышка.

1 апреля 1916

«Веселись душа, пей и ешь!..»
Веселись, душа, пей и ешь!

А настанет срок –
Положите меня промеж
Четырех дорог.

Там где во поле, во пустом
Воронье да волк,
Становись надо мной крестом,
Раздорожный столб!

Не чуралася я в ночи
Окаянных мест.
Высоко надо мной торчи,
Безымянный крест.

Не один из вас, други, мной
Был и сыт и пьян.
С головою меня укрой,
Полевой бурьян!

Не запаливайте свечу
Во церковной мгле.
Вечной памяти не хочу
На родной земле.

4 апреля 1916

Стихи к Блоку

1

Имя твое – птица в руке,
Имя твое – льдинка на языке,
Одно единственное движенье губ,
Имя твое – пять букв.
Мячик, пойманный на лету,
Серебряный бубенец во рту,

Камень, кинутый в тихий пруд,
Всхлипнет так, как тебя зовут.
В легком щелканье ночных копыт
Громкое имя твое гремит.
И назовет его нам в висок
Звонко щелкающий курок.

Имя твое – ах, нельзя! –
Имя твое – поцелуй в глаза,
В нежную стужу недвижных век,
Имя твое – поцелуй в снег.
Ключевой, ледяной, голубой глоток...
С именем твоим – сон глубок.

15 апреля 1916

2

Нежный призрак,
Рыцарь без укоризны,
Кем ты призван
В мою молодую жизнь?

Во мгле сизой
Стоишь, ризой
Снеговой одет.

То не ветер
Гонит меня по городу,
Ох, уж третий

Вечер я чую ворога.

Голубоглазый
Меня сглазил
Снеговой певец.

Снежный лебедь
Мне под ноги перья стелет.
Перья реют
И медленно никнут в снег.

Так, по перьям,
Иду к двери,
За которой – смерть.

Он поет мне
За синими окнами,
Он поет мне
Бубенцами далекими,

Длинным криком,
Лебединым кликом –
Зовет.

Милый призрак!
Я знаю, что все мне снится.
Сделай милость:
Аминь, аминь, рассыпья!
Аминь.

1 мая 1916

З
Ты проходишь на Запад Солнца,
Ты увидишь вечерний свет,
Ты проходишь на Запад Солнца,
И метель замечает след.

Мимо окон моих – бесстрастный –

Попытка ревности. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Ты пройдешь в снеговой тиши,

Божий праведник мой прекрасный,
Свете тихий моей души.

Я на душу твою – не зарюсь!

Нерушима твоя стезя.

В руку, бледную от лобзаний,
Не вобью своего гвоздя.

И по имени не окликну,

И руками не потянусь.

Восковому святому лику

Только издали поклонюсь.

И, под медленным снегом стоя,

Опущусь на колени в снег,

И во имя твое святое,

Поцелую вечерний снег. –

Там, где поступью величавой

Ты прошел в гробовой тиши,

Свете тихий – святая славы –

Вседержитель моей души.

2 мая 1916

4

Зверю – берлога,

Страннику – дорога,

Мертвому – дроги.

Каждому – свое.

Женщине – лукавить,

Царю – править,

Мне – славить

Имя твое.

2 мая 1916

5

У меня в Москве – купола горят!

У меня в Москве – колокола звонят!
И гробницы в ряд у меня стоят, –
В них царицы спят и цари.

И не знаешь ты, что зарей в Кремле
Легче дышится – чем на всей земле!
И не знаешь ты, что зарей в Кремле
Я молюсь тебе – до зари!

И проходишь ты над своей Невою
О ту пору, как над рекой-Москвой
Я стою с опущенной головой,
И слипаются фонари.

Всей бессонницей я тебя люблю,
Всей бессонницей я тебе внемлю –
О ту пору, как по всему Кремлю
Просыпаются звонари...

Но моя река – да с твоей рекой,
Но моя рука – да с твоей рукой
Не сойдутся, Радость моя, доколь
Не догонит заря – зари.

7 мая 1916

6
Думали – человек!
И умереть заставили.
Умер теперь, навек.
– Плачьте о мертвом ангеле!

Он на закате дня
Пел красоту вечернюю.
Три восковых огня
Треплются, лицемерные.

Шли от него лучи –
Жаркие струны по снегу!

Три восковых свечи –
Солнцу–то! Светоносному!

О поглядите, как
Веки ввалились темные!
О поглядите, как
Крылья его поломаны!

Черный читает чтец,
Крестятся руки праздные..
– Мертвый лежит певец
И воскресенье празднует.

9 мая 1916

7
Должно быть – за той рощей
Деревня, где я жила,
Должно быть – любовь проще
И легче, чем я ждала.

– Эй, идолы, чтоб вы сдохли! –
Привстал и занес кнут,
И окрику вслед – охлест,
И вновь бубенцы поют.

Над валким и жалким хлебом
За жердью встает – жердь.
И проволока под небом
Поет и поет смерть.

13 мая 1916

8
И тучи оводов вокруг равнодушных кляч,
И ветром вздутый калужский родной

кумач,

И посвист перепелов, и большое небо,
И волны колоколов над волнами хлеба,
И толк о немце, доколе не надоест,

Попытка ревности. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

И желтый-желтый – за синею рощей – крест,
И сладкий жар, и такое на всем сиянье,
И имя твое, звучащее словно: ангел.

18 мая 1916

9
Как слабый луч сквозь черный морок

адов –

Так голос твой под рокот рвущихся снарядов.

И вот в громах, как некий серафим,
Оповещает голосом глухим, –

Откуда-то из древних утр туманных –
Как нас любил, слепых и безымянных,

За синий плащ, за вероломства – грех..
И как нежнее, всех – ту, глубже всех

В ночь канувшую – на дела лихие!
И как не разлюбил тебя, Россия.

И вдоль виска – потерянным перстом
Все водит, водит... И еще о том,

Какие дни нас ждут, как Бог обманет,
Как станешь солнцем звать – и как не встанет...

Так, узником с собой наедине
(Или ребенок говорит во сне?),

Предстало нам – всей площади широкой! –
Святое сердце Александра Блока.

9 мая 1920

10
Вот он – гляди – уставший от чужбин,
Вождь без дружин.

Вот – горстью пьет из горной быстрины –

Попытка ревности. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Князь без страны.

Там все ему: и княжество, и рать,
И хлеб, и мать.

Красно твое наследие, – владей,
Друг без друзей!

15 августа 1921

11

Останешься нам иноком:

Хорошеньким, любименьким,
Требником рукописным,
Ларчиком кипарисным.

Всем – до единой – женщинам,
Им, ласточкам, нам, венчанным,
Нам, злату, тем, сединам,

Всем – до единой – сыном
Останешься, всем – первенцем,
Покинувшим, отвергнувшим,
Посохом нашим странным,
Странником нашим ранним.

Всем нам с короткой надписью
Крест на Смоленском кладбище

Искать, всем никнуть в чéред,
Всем, ..., не верить.

Всем – сыном, всем – наследником,
Всем – первеньким, последеньким.

15 августа 1921

12

Други его – не тревожьте его!

Слуги его – не тревожьте его!

Было так ясно на лице его:

Царство мое не от мира сего.

Вещи вьюги кружили вдоль жил, –
Плечи сутулые гнулись от крыл,
В певчую прорезь, в запекшийся пыл –
Лебедем душу свою упустил!

Падай же, падай же, тяжкая медь!
Крылья извели право: лететь!
Губы, кричавшие слово: ответь! –
Знают, что этого нет – умереть!

Зори пьют, море пьет – в полную сыть
Бражничает. – Панихид не служить!
У навсегда повелевшего: быть! –
Хлеба достанет его накормить!

15 августа 1921

13
А над равниной –
Крик лебединый.
Мать, ужель не узнала сына?
Это с заоблачной – он – версты,
Это последнее – он – прости.

А над равниной –
Вещая вьюга.
Дева, ужель не узнала друга?
Рваные ризы, крыло в крови...
Это последнее он: – Живи!

Над окаянной –
Взлет осиянный.
Праведник душу урвал – осанна!
Каторжник койку обрел – теплынь.
Пасынок к матери в дом. – Аминь.

Между 15 и 25 августа 1921

14

Попытка ревности. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Не проломанное ребро –

Переломленное крыло.

Не расстрельщиками навывлет

Грудь простреленная. Не вынуть

Этой пули. Не чинят крыл.

Изуродованный ходил.

Цепок, цепок венец из терний!

Что усопшему – трепет черни,

Женской лести лебяжий пух...

Проходил, одинок и глух,

Замораживая закаты

Пустотой безглазых статуй.

Лишь одно еще в нем жило:

Переломленное крыло.

Между 15 и 25 августа 1921

15

Без зова, без слова, –

Как кровельщик падает с крыш.

А может быть, снова

Пришел, – в колыбели лежишь?

Горишь и не меркнешь,

Светильник немногих недель...

Какая из смертных

Качает твою колыбель?

Блаженная тяжесть!

Пророческий певчий камыш!

О, кто мне расскажет,

В какой колыбели лежишь?

«Покамест не продан!»

Лишь с ревностью этой в уме

Великим обходом

Пойду по российской земле.

Полночные страны

Пройду из конца и в конец.

Где рот-его-рана,

Очей синеватый свинец?

Схватить его! Крепче!

любить и любить его лишь!

О, кто мне нашепчет,

В какой колыбели лежишь?

Жемчужные зерна,

Кисейная сонная сень.

Не лавром, а терном –

Чепца острозубая тень.

Не полог, а птица

Раскрыла два белых крыла!

– И снова родиться,

Чтоб снова метель замела?!

Рвануть его! Выше!

Держать! Не отдать его лишь!

О, кто мне надышит,

В какой колыбели лежишь?

А может быть, ложен

Мой подвиг, и даром – труды.

Как в землю положен,

Быть может, – проспишь до трубы.

Огромную впалость

Висков твоих – вижу опять.

Такую усталость –

Ее и трубой не поднять!

Державная пажить,
Надежная, ржавая тишь.
Мне сторож покажет,
В какой колыбели лежишь.

22 ноября 1921

16
Как сонный, как пьяный,
Врасплох, не готовясь.

Височные ямы:
Бессонная совесть.

Пустые глазницы:
Мертво и светло.
Сновидца, всевидца
Пустое стекло.

Не ты ли
Ее шелестящей хламиды
Не вынес –
Обратным ущельем Аида?

Не эта ль,
Серебряным звоном полна,
Вдоль сонного Гебра
Плыла голова?

25 ноября 1921

17
Так, Господи! и мой обол
Прими на утверждение храма.
Не свой любовный произвол
Пою – своей отчизны рану.

Не скаредника ржавый ларь –
Гранит, коленами протертый.
Всем отданы герой и царь,
Всем – праведник – певец – и мертвый.

Днепром разламывая лед,
Гробовым не смущаясь тесом,
Русь – Пасхою к тебе плывет,
Разливом тысячеголосым.

Так, сердце, плачь и славословь!
Пусть вопль твой – тысяча который? –
Ревнует смертная любовь.
Другая – радуется хору.

2 декабря 1921

«Много тобой пройдено...»
Много тобой пройдено

Русских дорог глухих.
Ныне же вся родина
Причащается тайн твоих.

Все мы твои причастники,
Смилуйся, допусти! –
Кровью своей причастны мы
Крестному твоему пути.

Чаша сия – полная,
– Причастимся Св<ятым> даров! –
Слезы сии солоны,
– Причастимся Св<ятым> даров! –

Тянут к тебе матери
Кровную кровь свою.
Я же – слепец на паперти –
Имя твое пою.

2 мая 1916

Марина и Анастасия Цветаевы. Феодосия, 1914 г.

Ахматовой

1

О, Муза плача, прекраснейшая из муз!

О ты, шальное исчадие ночи белой!
Ты черную насылаешь метель на Русь,
И вопли твои вонзаются в нас, как стрелы.

И мы шарахаемся и глухое: ох! –
Стотысячное – тебе присягает: Анна
Ахматова! Это имя – огромный вздох,
И в глубь он падает, которая безымянна.

Мы коронованы тем, что одну с тобой
Мы землю топчем, что небо над нами – то же!
И тот, кто ранен смертельной твоей судьбой,
Уже бессмертным на смертное сходит ложе.

В певучем граде моем купола горят,
И Спаса светлого славит слепец бродячий..
И я дарю тебе свой колокольный град,
– Ахматова! – и сердце свое в придачу.

19 июня 1916

2
Охватила голову и стою,
– Что людские козни! –
Охватила голову и пою
На заре на поздней.

Ах, неистовая меня волна
Подняла на гребень!
Я тебя пою, что у нас – одна,
Как луна на небе!

что, на сердце вороном налетев,
В облака вонзилась.
Горбоносую, чей смертелен гнев
И смертельна – милость.

Что и над червонным моим Кремлем
Свою ночь простерла,

Что певучей негою, как ремнем,
Мне стянула горло.

Ах, я счастлива! Никогда заря
Не сгорала чище.
Ах, я счастлива, что тебя даря,
Удаляюсь – нищей,

что тебя, чей голос – о глубь, о мгла! –
Мне дыханье сузил,
Я впервые именем назвала
Царскосельской Музы.

22 июня 1916

6
Не отстать тебе! Я – острожник,
Ты – конвойный. Судьба одна.
И одна в пустоте порожней
Подорожная нам дана.

Уж и нрав у меня спокойный!
Уж и очи мои ясны!
Отпусти-ка меня, конвойный,
Прогуляться до той сосны!

26 июня 1916

8
На базаре кричал народ,
Пар вылетал из булочной.
Я запомнила алый рот
Узколицей певицы уличной.

В темном – с цветиками – платке,
– Милости удостоиться
Ты, потупленная, в толпе
Богомолк у Сергий-Троицы,
Помолись за меня, краса

Попытка ревности. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Грустная и бесовская,

Как поставят тебя леса
Богородицей хлыстовскою.

27 июня 1916

9
Златоустой Анне – всея Руси
Искупительному глаголу, –
Ветер, голос мой донеси
И вот этот мой вздох тяжелый.

Расскажи, сгорающий небосклон,
Про глаза, что черны от боли,
И про тихий земной поклон
Посреди золотого поля.

Ты в грозовой выси
Обретенный вновь!
Ты! – Безымянный!
Донеси любовь мою
Златоустой Анне – всея Руси!

27 июня 1916

«На кортике своем: Марина...»
На кортике своем: Марина –
Ты начертал, встав за Отчизну.
Была я первой и единой
В твоей великолепной жизни.

Я помню ночь и лик пресветлый
В аду солдатского вагона.
Я волосы гоню по ветру,
Я в ларчике храню погоны.

Москва, 18 января 1918

«Уедешь в дальние края...»
Уедешь в дальние края,
Остынешь сердцем. – Не остыну.
Распутица – заря – румыны –

Младая спутница твоя...

кто бросил розы на снегу?

Ах, это шкурка мандарина...

И крутятся в твоём мозгу:

Мазурка – море – смерть – Марина.

Февраль 1918

«Трудно и чудно – верность до гроба!..»

Трудно и чудно – верность до гроба!

Царская роскошь – в век площадей!

Стойкие души, стойкие ребра, –

Где вы, о люди минувших дней?!

Рыжим татаринoм рыщет вольность,

С прахом равняя алтарь и трон.

Над пепелищами – рев застольный

Беглых солдат и неверных жен.

11 апреля 1918

«Не самозванка – я пришла домой...»

Не самозванка – я пришла домой,

И не служанка – мне не надо хлеба.

Я – страсть твоя, воскресный отдых твой,

Твой день седьмой, твое седьмое небо.

Там, на земле, мне подавали грош

И жерновов навешали на шею.

– Возлюбленный! – Ужель не узнаешь?

Я ласточка твоя – Психея!

Апрель 1918

«Московский герб: герой пронзает гада...»

Московский герб: герой пронзает гада.

Дракон в крови. Герой в луче. – Так надо.

Во имя Бога и души живой

Сойди с ворот, Господень часовой!

Попытка ревности. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Верни нам вольность, Воин, им – живот.

Страж роковой Москвы – сойди с ворот!

И докажи – народу и дракону –
Что спят мужи – сражаются иконы.

9 мая 1918

Марина Цветаева. С портрета работы М. Нахман. 1913 г.

«Благословляю ежедневный труд...»
Благословляю ежедневный труд,
Благословляю еженощный сон.
Господню милость и Господень суд,
Благой закон – и каменный закон.

И пыльный пурпур свой, где столько дыр,
И пыльный посох свой, где все лучи...
– Еще, Господь, благословляю мир
В чужом доме – и хлеб в чужой печи.

21 мая 1918

«Как правая и левая рука...»
Как правая и левая рука,
Твоя душа моей душе близка.

Мы смежены, блаженно и тепло,
Как правое и левое крыло.

Но вихрь встает – и бездна пролегла
От правого – до левого крыла!

10 июля 1918

Тебе – через сто лет
К тебе, имеющему быть рожденным
Столетие спустя, как отдышу, –
Из самых недр, – как на смерть осужденный,
Своей рукой – пишу:

– Друг! Не ищи меня! Другая мода!

Меня не помнят даже старики.

– Ртом не достать! – Через летейски воды
Протягиваю две руки.

Как два костра, глаза твои я вижу,
Пылающие мне в могилу – в ад, –
Ту видящие, что рукой не движет,
Умершую сто лет назад.

Со мной в руке – почти что горстка пыли
Мои стихи! – я вижу: на ветру
Ты ищешь дом, где родилась я – или
В котором я умру.

На встречных женщин – тех, живых, счастливых,
Горжусь, как смотришь, и ловлю слова:
– Сборище самозванок! Все мертвы вы!
Она одна жива!

я ей служил служеньем добровольца!
Все тайны знал, весь склад ее перстней!
Грабительницы мертвых! Эти кольца
Украдены у ней!

О, сто моих колец! Мне тянет жилы,
Раскаиваюсь в первый раз,
Что столько я их вкривь и вкось дарила, –
Тебя не дождалась!

И грустно мне еще, что в этот вечер,
Сегодняшний, – так долго шла я вслед
Садящемуся солнцу, – и навстречу
Тебе – через сто лет.

Бьюсь об заклад, что бросишь ты проклятье
Моим друзьям во мглу могил:
– Все восхваляли! Розового платья
Никто не подарил!

кто бескорыстней был?! – Нет, я корыстна!

Раз не убьешь, – корысти нет скрывать,
Что я у всех выпрашивала письма,
Чтоб ночью целовать.

Сказать? – Скажу! Небытие – условность.
Ты мне сейчас – страстнейший из гостей,
И ты окажешь перлу всех любовниц
Во имя той – костей.

Август 1919

«Два дерева хотят друг к другу...»
Два дерева хотят друг к другу.

Два дерева. Напротив дом мой.
Деревья старые. Дом старый.
Я молода, а то б, пожалуй,
Чужих деревьев не жалела.

То, что поменьше, тянет руки,
Как женщина, из жил последних
Вытянулось, – смотреть жестоко,
Как тянется – к тому, другому,
Что старше, стойче и – кто знает? –
Еще несчастнее, быть может.

Два дерева: в пылу заката
И под дождем – еще под снегом –
Всегда, всегда: одно к другому,
Таков закон: одно к другому,
Закон один: одно к другому.

Август 1919

С. Э
Хочешь знать, как дни проходят,
Дни мои в стране обид?
Две руки пилюю водят,
Сердце – имя говорит.

Эх! Прошел бы ты по дому –
Знал бы! Так в ночи пою,
Точно по чему другому –
Не по дереву – пилю.

И чудят, чудят пилюю
Руки – вольные досель.
И метет, метет метлою
Богородица-Метель.

Ноябрь 1919

«Высоко мое оконце!..»
Высоко мое оконце!
Не достанешь перстеньком!
На стене чердачной солнце
От окна легло крестом.

Тонкий крест оконной рамы.
Мир. – На вечны времена.
И мерещится мне: в самом
Небе я погребена!

Ноябрь 1919

Але
1
Когда-нибудь, прелестное создание,
Я стану для тебя воспоминаньем.

Там, в памяти твоей голубоокой,
Затерянным – так далеко-далеко.

Забудешь ты мой профиль горбоносый,
И лоб в апофеозе папиросы,

И вечный смех мой, коим всех морочу,
И сотню – на руке моей рабочей –

Серебряных перстней, – чердак-каюту,
Моих бумаг божественную смуту...

Как в страшный год, возвышены Бедю,
Ты – маленькой была, я – молодую.

2
О бродяга, родства не помнящий –
Юность! – Помню: метель мела,

Сердце пело. – Из нежной комнаты
я в метель тебя увела.

. . . . .

И твой голос в метельной мгле:
– «Остригите мне, мама, волосы!
Они тянут меня к земле!»

Ноябрь 1919

3
Маленький домашний дух,
Мой домашний гений!
Вот она, разлука двух
Сродных вдохновений!

Жалко мне, когда в печи
Жар, – а ты не видишь!
В дверь – звезда в моей ночи! –
Не взойдешь, не выйдешь!

Платъица твои висят,
Точно плод запретный.
На окне чердачном – сад
Расцветает – тщетно.

Голуби в окно стучат, –
Скучно с голубями!
Мне ветра привет кричат, –
Бог с ними, с ветрами!

Не сказать ветрам седым,
Стаям голубиным –

Чудодейственным твоим

Голосом: – Марина!

Ноябрь 1919

«Звезда над люлькой – и звезда над гробом!..»
Звезда над люлькой – и звезда над гробом!

А посредине – голубым сугробом –
Большая жизнь. – Хоть я тебе и мать,
Мне больше нечего тебе сказать,
Звезда моя!..

4 января 1920,

Кунцево – Госпиталь

Психея

Пунш и полночь. Пунш – и Пушкин,

Пунш – и пенковая трубка

Пышущая. Пунш – и лепет

Бальных башмачков по хриплым

Половицам. И – как призрак –

В полукруге арки – птицей –

Бабочкой ночной – Психея!

Шепот: «Вы еще не спите?

Я – проститься...» Взор потуплен.

(Может быть, прощенья просит

За грядущие проказы

Этой ночи?) Каждый пальчик

Ручек, павших Вам на плечи,

Каждый перл на шейке плавной

По сто раз перецелован.

И на цыпочках – как пери! –

Пируэтом – привиденьем –

Выпорхнула.

Пунш – и полночь.

Вновь впорхнула: «Что за память!

Позабыла опахало!

Опоздаю... В первой паре
Полонеза...»

Плащ накинув
На одно плечо – покорно –
Под руку поэт – Психею
По трепещущим ступенькам
Провожает. Лапки в плед ей
Сам укутал, волчью полость
Сам запахивает... – «С Богом!»

А Психея,
К спутнице припав – слепому
Пугалу в чепце – трепещет:
Не прожег ли ей перчатку
Пылкий поцелуй арапа...

–

Пунш и полночь. Пунш и пепла
Ниспадение на персидский
Палевый халат – и платья
Бального пустая пена
В пыльном зеркале...

Начало марта 1920

<Н.Н.В.>

17

Пригвождена к позорному столбу
Славянской совести старинной,
С змеею в сердце и с клеймом на лбу,
Я утверждаю, что – невинна.

Я утверждаю, что во мне покой
Причастницы перед причастьем.
Что не моя вина, что я с рукой
По площадям стою – за счастьем.

Пересмотрите все мое добро,

Попытка ревности. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Скажите – или я ослепла?

Где золото мое? Где серебро?

В моей руке – лишь горстка пепла!

И это все, что лестью и мольбой

Я выпросила у счастливых.

И это все, что я возьму с собой

В край целований молчаливых.

23

Кто создан из камня, кто создан из глины, –

А я серебрюсь и сверкаю!

Мне дело – измена, мне имя – Марина,

я – брэнная пена морская.

Кто создан из глины, кто создан из плоти –

Тем гроб и надгробные плиты..

– В купели морской крещена – и в полете

Своем – непрестанно разбита!

Сквозь каждое сердце, сквозь каждые сети

Пробьется мое своеволие.

Меня – видишь кудри беспутные эти? –

Земною не сделаешь солью.

Дробясь о гранитные ваши колена,

я с каждой волной – воскресая!

Да здравствует пена – веселая пена –

Высокая пена морская!

23 мая 1920

Песенки из пьесы «Ученик»

<9>

Вчера еще в глаза глядел,

А нынче – все косится в сторону!

Вчера еще до птиц сидел, –

Все жаворонки нынче – вороны!

я глупая, а ты умен,

живой, а я остолбенелая.

О, вопль женщин всех времен:

«Мой милый, что тебе я сделала?!»

И слезы ей – вода, и кровь –

Вода, – в крови, в слезах умылася!

Не мать, а мачеха – Любовь:

Не ждите ни суда, ни милости.

Увозят милых корабли,

Уводит их дорога белая...

И стон стоит вдоль всей земли:

«Мой милый, что тебе я сделала?»

Вчера еще – в ногах лежал!

Равнял с Китайскою державою!

Враз обе рученьки разжал, –

Жизнь выпала – копейкой ржавою!

Детоубийцей на суду

Стою – немилая, несмелая.

Я и в аду тебе скажу:

«Мой милый, что тебе я сделала?»

Спрошу я стул, спрошу кровать:

«За что, за что терплю и бедствую?»

«Отцеловал – колесовать:

Другую целовать», – отвечают.

Жить приучил в самом огне,

Сам бросил – в степь заледенелую!

Вот что ты, милый, сделал мне!

Мой милый, что тебе – я сделала?

Все ведаю – не прекословь!

Вновь зрячая – уж не любовница!

Где отступается Любовь,

Там подступает Смерть-садовница.

Само – что дерево трясти! –
В срок яблоко спадает спелое..
– За все, за все меня прости,
Мой милый, – что тебе я сделала!

14 июня 1920

Евреям
Так бессеребрено – так бескорыстно,
Как отрок – нежен и как воздух синь,
Приветствую тебя ныне и присно
Во веки веков. – Аминь.

Двойной вражды в крови своей поповской
И шляхетской – стираю письма.
Приветствую тебя в Кремле московском,
Чужая, чудная весна!

Кремль почерневший! Попран! – Предан! –

Продан!

Над куполами воронье кружит.
Перекрестясь – со всем простым народом
Я повторяла слово: жид.

И мне – в братоубийственном угаре –
Крест православный – Бога затемнял!
Но есть один – напрасно имя Гарри
На Генриха он променял!

Ты, гренадеров певший в русском поле,
Ты, тень Наполеонова крыла, –
И ты жидом пребудешь мне, доколе
Не просияют купола!

Май 1920

«В подвалах – красные окошки...»
В подвалах – красные окошки.

Визжат несчастные гармошки, –
Как будто не было флажков,

Мешков, штыков, большевиков.

Так русский дух с подвалом сросся, –
Как будто не было и вовсе
На Красной площади – гробов,
Ни обезглавленных гербов.

..... ладонь с ладонью –
Так наша жизнь слилась с гармонью.
Как будто Интернационал
У нас и дня не гостевал.

Август 1920

Петру
Вся жизнь твоя – в едином крике
– На дедов – за сынов!
Нет, Государь Распровеликий,
Распорядитель снов,

Не на своих сынов работал, –
Бесам на торжество! –
Царь-Плотник, не стирая пота
С обличья своего.

Не ты б – все по сугробам санки
Тащил бы мужичок.
Не гнил бы там на полустанке
Последний твой внучок[4].

Не ладил бы, лба не подъявля,
Ребятчих кораблев –
Вся Русь твоя святая в землю
Не шла бы без гробов.

Ты под котел кипящий этот –
Сам подложил углей!

Родоначальник – ты – Советов,

Попытка ревности. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Ревнитель Ассамблей!

Родоначальник – ты – развалин,
Тобой – скиты горят!
Твоею же рукой провален
Твой баснословный град...

Соль высолил, измылил мыльце –
Ты, Государь-кустарь!
Державного однофамильца
Кровь на тебе, бунтарь!

Но нет! Конец твоим затеям!
У брата есть – сестра...
– На Интернационал – за терем!
За Софью – на Петра!

Август 1920

Волк
Было дружбой, стало службой.
Бог с тобою, брат мой волк!
Подышает наша дружба:
я тебе не дар, а долг!

Заедай верстою вёрсту,
Отсылай версту к версте!
Перегладила по шерстке, –
Стосковался по тоске!

Не взвожу тебя в злодеи, –
Не твоя вина – мой грех:
Ненасытностью своею
Перекармливаю всех!

Чем на вас с кремнем-огнивом
В лес ходить – как БОГ судил, –
К одному бабье ревниво:
Чтобы лап не остудил.

Удержать – перстом не двину:
Перст – не шест, а лес велик.
Уноси свои седины,
Бог с тобою, брат мой клык!

Процевай, седая шкура!
И во сне не вспомяну!
Новая найдется дура –
Верить в волчью седину.

Октябрь 1920

«Любовь! Любовь! И в судорогах, и в гробе...»
Любовь! Любовь! И в судорогах, и в гробе
Насторожусь – прельщусь – смущусь – рванусь.
О милая! – Ни в гробовом сугробе,
Ни в облачном с тобою не прощусь.

И не на то мне пара крыл прекрасных
Дана, чтоб на сердце держать пуды.
Спеленутых, безглазых и безгласных
Я не умножу жалкой слободы.

Нет, выпростаю руки! – Стан упругий
Единым взмахом из твоих пелен
– Смерть – выбью! Верст на тысячу в округе
Растоплены снега и лес спален.

И если все ж – плеча, крыла, колена
Сжав – на погост дала себя увести, –
То лишь затем, чтобы, смеясь над тленом,
Стихом восстать – иль розаном расцвести!

Около 28 ноября 1920

«Знаю, умру на заре! На которой из двух...»
Знаю, умру на заре! На которой из двух,
Вместе с которой из двух – не решить по заказу!
Ах, если б можно, чтоб дважды мой факел потух!
Чтоб на вечерней заре и на утренней сразу!

Пляшущим шагом прошла по земле! – Неба дочь!
С полным передником роз! – Ни ростка не наруша!
Знаю, умру на заре! – Ястребиную ночь
Бог не пошлет по мою лебединую душу!

Нежной рукой отведя нецелованный крест,
В щедрое небо рванусь за последним приветом.
Прорезь зари – и ответной улыбки прорез...
я и в предсмертной икоте останусь поэтом!

Москва, декабрь 1920

Большевик
От Ильменя – до вод Каспийских
Плеча рванулись вширь.
Бьет по щекам твоим – российский
Румянец-богатырь.

Дремучие – по всей по крепкой
Башке – встают леса.
А руки – лес разносят в щепки,
Лишь за топор взялся!

Два зарева: глаза и щеки.
– Эх, уж и кровь добра! –
Глядите-кось, как руки в боки,
Встал посреди двора!

Весь мир бы разгромил – да проймы
Жмут – не дают дыхнуть!
Широкой добротой разбойной
Смеюсь – вверяю грудь!

И земли чуждые пытая,
– Ну, какова, мол, новь? –
Смеюсь, – все ты же, Русь святая,
Малиновая кровь!

Попытка ревности. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
31 января 1921

Роландов рог
Как нежный шут о злом своем уродстве,
Я повествую о своем сиротстве...

За князем – род, за серафимом – сонм,
За каждым – тысячи таких, как он,
Чтоб, пошатнувшись, – на живую стену
Упал и знал, что – тысячи на смену!

Солдат – полком, бес – легионом горд.
За вором – сброд, а за шутком – всё горб.

Так, наконец, усталая держаться
Сознанием: перст и назначением: драться,

Под свист глупца и мещанина смех –
Одна из всех – за всех – противу всех! –

Стою и шлю, закаменев от взлету,
Сей громкий зов в небесные пустоты.

И сей пожар в груди тому залог,
Что некий Карл тебя услышит, рог!

Март 1921

«Как закон голубиный вымарывая...»
Как закон голубиный вымарывая, –

Руку судорогой не свело, –

А случилось: заморское марево

Русским заревом здесь расцвело.

Два крыла свои – эвот да эвона –

..... истрепала любовь...

Что из правого-то, что из левого –

Одинакая пролита кровь...

Два крыла православного складеня –

..... промеж ними двумя –

А понять ничего нам не дадено,

Попытка ревности. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Голубиной любви окромя...

Эх вы правая с левой две варежки!
Та же шерсть вас вязала в клубок!
Дерзновенное слово: товарищи
Сменит прежняя быль: голубок.
Побратавшись да левая с правой,
Встанет – всем Тамерланам на грусть!
В струпьях, в язвах, в прокаже – оправдана,
Ибо есть и останется – Русь.

13 марта 1921

«На што мне облака и степи...»
На што мне облака и степи
И вся подсолнечная ширь!
Я раб, свои взлюбивший цепи,
Благословляющий Сибирь.

Эй вы, обратные по трахту!
Поклон великим городам.
Свою застеночную шахту
За всю свободу не продам.

Поклон тебе, град Божий, Киев!
Поклон, престольная Москва!
Поклон, мои дела мирские!
Я сын, не помнящий родства...

Не встанет – любоваться рожью
Покойник, возлюбивший гроб.
Заворожил от света Божья
Меня верховный рудокоп.

3 мая 1921

«Душа, не знающая меры...»
Душа, не знающая меры,
Душа хлыста и изувера,
Тоскующая по бичу.
Душа – навстречу палачу,

как бабочка на хризалиды!

Душа, не съевшая обиды,

что больше колдунов не жгут.

Как смоляной высокий жгут

дымящая под власяницей...

Скрежещущая еретица,

– Саванароловой сестра –

Душа, достойная костра!

10 мая 1921

Марина

1

Быть голубкой его орлиной!

Больше матери быть, – Мариной!

Вестовым – часовым – гонцом –

Знаменосцем – льстецом придворным!

Серафимом и псом дозорным

Охранять непокойный сон.

Сальных карт захватив колоду,

ногу в стремя! – сквозь огонь и воду!

Где верхом – где ползком – где вплавь!

Тростником – ивняком – болотом,

А где конь не берет, – там летом,

Все ветра полонивши в плащ!

Черным вихрем летя беззвучным,

Не подругою быть – сподручным!

Не единою быть – вторым!

Близнецом – двойником – крестовым

Стройным братом, огнем костровым,

Ятаганом его кривым.

Гул кремлевских гостей незваных.

Если имя твое – Басманов,

Попытка ревности. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Отстранись. – Уступи любви!

Распахнула платок нагрудный.

– Руки настезь! – Чтоб в день свой судный
Не в басмановской встал крови.

11 мая 1921

2
Трем Самозванцам

Мнишка надменного дочь,
Ты – гордецу своему
Не родившая сына...

В простоволосости сна
В гулкий оконный пролет
Ты, гордецу своему
Не махнувшая следом...

На роковой площади
От оплеух и плевков
Ты, гордеца своего
Не покрывшая телом...

В маске дурацкой лежал,
С дудкой кровавой во рту.
– Ты, гордецу своему
Не отершая пота...

– Своекорыстная кровь! –
Проклята, проклята будь
Ты – Лжедмитрию смогшая

быть Лжемариной!

11 мая 1921

3
– Сердце, измена!

– Но не разлука!

И воровскую смуглую руку

К белым губам.

Краткая встряска костей о плиты.

– Гришка! – Димитрий!

Цареубийцы! Псэкровь холопья!

И – повторенным прыжком –

На копья!

11 мая 1921

4

– Грудь Ваша благоуханна, –

Как розмариновый ларчик...

Ясновельможна панна...

– Мой молодой господарчик...

– Чем заплачу за щедроты:

Темен, негромок, непризнан...

Из-под ресничного взлету

Что-то ответило: – Жизнью!

В каждом пришельце гонимом

Пану мы Иезусу – служим...

Мнет в замешательстве мнимом

Горсть неподдельных жемчужин.

Перлы рассыпались, – слезы!

Каждой ресницей нацелясь,

Смотрит, как в прахе елозя,

Их подбирает пришелец.

13 мая 1921

Разлука

Сереже

1

Башенный бой

Где-то в Кремле.

Где на земле,

Где –

Крепость моя,

Кротость моя,
Доблесть моя,
Святость моя.

Башенный бой.
Брошенный бой.
Где на земле –
Мой
Дом,
Мой – сон,
Мой – смех,
Мой – свет,
Узких подошв – след.
Точно рукой
Сброшенный в ночь –
Бой.
– Брошенный мой!

Май 1921

2
Уроненные так давно
Вздымаю руки.
В пустое черное окно
Пустые руки
Бросаю в полуночный бой
Часов, – домой
Хочу! – Вот так: вниз головой
– С башни! – Домой!

Не о булыжник площадной:
В шепот и шелест...
Мне некий воин молодой
Крыло подстелет.

Май 1921

3
Всё круче, всё круче

Заламывать руки!

Меж нами не версты

Земные – разлуки

Небесные реки, лазурные земли,

Где друг мой навеки уже –

Неотъемлем.

Стремит столбовая

В серебряных сбруях.

Я рук не ломаю!

Я только тяну их

– Без звука! –

Как дерево-машет-рябина

В разлуку,

Во след журавлиному клину.

Стремит журавлиный,

Стремит безоглядно.

Я спеси не сбавлю!

Я в смерти – нарядной

Пребуду – твоей быстроте златоперой

Последней опорой

В потерях простора!

Июнь 1921

4

Смуглой оливой

Скрой изголовье.

Боги ревнивы

К смертной любви.

Каждый им шелест

Внятен и шорох.

Знай, не тебе лишь

Юноша дорог.

Роскошью майской

Кто-то разгневан.

Остерегайся

Зоркого неба.

–

Думаешь – скалы

Манят, утесы,

Думаешь, славы

Медноголосый

Зов его – в гущу,

Грудью на копья?

Вал восстающий

– Думаешь – топит?

Дольнее жало

– Веришь – вонзилось?

Пуще опалы –

Царская милость!

Плачешь, что поздно

Бродит в низинах.

Не земнородных

Бойся, – незримых!

Каждый им волос

Ведом на гребне.

Тысячеоки

Боги, как древле.

Бойся не тины, –

Тверди небесной!

Ненасытимо –

Сердце Зевеса!

25 июня 1921

5

Тихонько

Рукой осторожной и тонкой

Попытка ревности. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Распутая путы:

Ручонки – и ржанию

Послушная, зашелестит амазонка

По звонким, пустым ступеням

расставанья.

Топочет и ржет

В осиянном пролете

Крылатый. – В глаза – полыханье

рассвета.

Ручонки, ручонки!

Напрасно зовете:

Меж ними – струистая лестница Леты.

27 июня 1921

6
Седой – не увидишь,

Большим – не увижу.

Из глаз неподвижных

Слезинки не выжмешь.

На всю твою муку,

Раззор – плач:

– Брось руку!

Оставь плащ!

В бесстрастии

Каменноокой каменю,

В дверях не помедлю,

Как матери медлят:

(Всею тяжестью крови,

Колен, глаз –

В последний земной

Раз!)

Не крадущимся перешибленным зверем, –

Нет, каменной глыбою

Выйду из двери –

Из жизни. – О чем же

Слезам течь,

Раз – камень с твоих

Плеч!

Не камень! – Уже

Широтою орлиною –

Плащ! – и уже по лазурным

стремнинам

В тот град осиянный,

Куда – взять

Не смеет дитя

Мать.

28 июня 1921

7
Ростком серебряным

Рванулся ввысь.

Чтоб не узрел его

Зевес –

Молись!

При первом шелесте

Страшись и стой.

Ревнивы к прелести

Они мужской.

Звериной челюсти

Страшней – их зов.

Ревниво к прелести

Гнездо богов.

Цветами, лаврами

Заманят ввысь.

Чтоб не избрал его

Зевес –

Молись!

Всё небо в грохоте

Орлиных крыл.

Всей грудью грохайся –

Чтоб не сокрыл.

В орлином грохоте

– О клюв! О кровь! –

Ягненок крохотный

Повис – любовь...

Простоволосая,

Всей грудью – ниц...

Чтоб не вознес его

Зевес –

Молись!

29 июня 1921

8

Я знаю, я знаю,

что прелесть земная,

что эта резная,

Прелестная чаша –

не более наша,

чем воздух,

чем звезды,

чем гнезда,

повисшие в зорях.

Я знаю, я знаю,

кто чаше – хозяин!

но легкую ногу вперед – башней

в орлиную высь!

и крылом – чашу

от грозных и розовых уст –

Попытка ревности. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Бога!

30 июня 1921

< 9 >

Твои ..... черты,

Запечатленные Кануном;

я буду стариться, а ты

Останешься таким же юным.

Твои ..... черты,

Обточенные ветром знойным.

я буду горбиться, а ты

Останешься таким же стройным.

Волос полуденная тень,

Склоненная к моим сединам..

Ровесник мой год в год, день в день,

Мне постепенно станешь сыном..

Нам вместе было тридцать шесть,

Прелестная мы были пара..

И – радугой – благая весть:

..... – не буду старой!

Троицын день 1921

< 10 >

Последняя прелесть,

Последняя тяжесть:

Ребенок, у ног моих

Бьющий в ладоши.

Но с этой последнею

Прелестью – справлюсь,

И эту последнюю тяжесть я –

Сброшу.

–

Всею женскою лестью

Язвя вдохновенной,

Попытка ревности. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Как будто не отрок

У ног, а любовник –

О шествиях –

Вдоль изумленной Вселенной

Под ливнем лавровым,

Под ливнем дубовым.

Последняя прелесть,

Последняя тяжесть –

Ребенок, за плащ ухватившийся... – В муке

Рожденный! – Когда-нибудь людям расскажешь,

что не было равной –

В искусстве Разлуки!

10 июля 1921

«Два зарева! – нет, зеркала!..»

М. А. Кузмину

Два зарева! – нет, зеркала!

Нет, два недуга!

Два серафических жерла,

Два черных круга

Обугленных – из льда зеркал,

С плит тротуарных,

Через тысячеверстья зал

Дымят – полярных.

Ужасные! – Пламень и мрак!

Две черных ямы.

Бессонные мальчишки – так –

В больницах: Мама!

Страх и укор, ах и аминь...

Взмах величавый...

Над каменностию простынь –

Две черных славы.

Так знайте же, что реки – вспять,

Попытка ревности. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Что камни – помнят!

Что уж опять они, опять
В лучах огромных

Встают – два солнца, два жерла,
– Нет, два алмаза! –
Подземной бездны зеркала:
Два смертных глаза.

2 июля 1921

Вестнику
Скрежещут якорные звенья,
Вперед, крылатое жильё!
Покрепче, чем благословенье,
С тобой – веление мое!

Мужайся, корабельщик юный!
Вперед в лазоревую рожь!
Ты больше нежели фортуны –
Ты сердце Цезаря везешь!

Смирит лазоревую ярость
Ресниц моих – единый взмах!
Дыханием надут твой парус
И не нуждается в ветрах!

Обветренные руки стиснув,
Слежу. – Не верь глазам! – Все ложь!
Доподлинный и рукописный
Приказ Монархини везешь.

Два слова, звонкие как шпоры,
Две птицы в боевом грому.
То зов мой – тысяча который? –
К единственному одному.

В страну, где солнце правосудья
Одно для нищих и вельмож,

Попытка ревности. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
– Между рубахой и грудью –

Ты сердце Матери везешь.

3 июля 1921

«Прямо в эфир...»
Прямо в эфир

Рвется тропа.

– Остановись! –

Юность слепа.

Ввысь им и ввысь!

В синюю рожь!

– Остановись! –

В небо ступнешь.

25 августа 1921

«Соревнования короста...»
Соревнования короста

В нас не осилила родства.

И поделили мы так просто:

Твой – Петербург, моя – Москва.

Блаженно так и бескорыстно,

Мой гений твоему внимал.

На каждый вздох твой рукописный

Дыхания вздымался вал.

Но вал моей гордыни польской –

Как пал он! – С златозарных гор

Мои стихи – как добровольцы

К тебе стекались под шатер...

Дойдет ли в пустоте эфира

Моя лирическая лесть?

И безутешна я, что женской лиры

Одной, одной мне тягу несть.

12 сентября 1921

Маяковскому
Превыше крестов и труб,

Крещенный в огне и дыме,
Архангел-тяжелоступ –
Здорово, в веках Владимир!

Он возчик и он же конь,
Он прихоть и он же право.
Вздыхнул, поплевал в ладонь:
– Держись, ломовая слава!

Певец площадных чудес –
Здорово, гордец чумазый,
Что камнем – тяжеловес
Избрал, не прельстясь алмазом.

Здорово, булыжный гром!
Зевнул, козырнул – и снова
Оглоблей гребет – крылом
Архангела ломового.

18 сентября 1921

Хвала Афродите
1
Блаженны дочерей твоих, Земля,
Бросавшие для боя и для бега.
Блаженны в Елисейские поля
Вступившие, не обольстившись негой.

Так лавр растет, – жестоко лист и трезв,
Лавр-летописец, горячитель боя.
– Содружества заоблачный отвес
Не променяю на юдоль любви.

17 октября 1921

2
Уже богов – не те уже щедроты
На берегах – не той уже реки.
В широкие закатные ворота
Венерины, летите, голубки!

Я ж на песках похолодевших лежа,
В день отойду, в котором нет числа..
Как змей на старую взирает кожу –
Я молодость свою переросла.

17 октября 1921

3
Тщетно, в ветвях заповедных кроясь,
Нежная стая твоя гремит.
Сластолюбивый роняю пояс,
Многолюбивый роняю мирт.

Тяжкоразящей стрелой тупою
Освободил меня твой же сын.
– Так о престол моего покоя,
Пеннорожденная, пеной сгинь!

18 октября 1921

4
Сколько их, сколько их ест из рук,
Белых и сизых!
Целые царства воркуют вокруг
Уст твоих, Низость!

Не переводится смертный пот
В золоте кубка.
И полководец гривастый льнет
Белой голубкой.

Каждое облако в час дурной –
Грудью круглится.
В каждом цветке неповинном – твой
Лик, Дьяволица!

Бренная пена, морская соль..
В пене и в муке –
Повиноваться тебе доколь,
Камень безрукий?

23 октября 1921

«Как по тем донским боям...»
С. Э.

Как по тем донским боям, –
В серединку самую,
По заморским городам
Все с тобой мечта моя.

Со стены сниму кивот
За труху бумажную.
Все продажное, а вот
Память не продажная.

Нет сосны такой прямой
Во зеленом ельнике.
Оттого что мы с тобой –
Одноколыбельники.

Не для тысячи судеб –
Для единой родимся.
Ближе, чем с ладонью хлеб, –
Так с тобою сходимся.

Не унес пожар-потоп
Перстенька червонного!
Ближе, чем с ладонью лоб,
В те часы бессонные.

Не возьмет мое вдовство
Ни муки, ни мельника...
Нерушимое родство:
Одноколыбельники.

Знай, в груди моей часы
Как завел – не ржавели.
Знай, на красной на Руси
Все ж самодержавие!

Пусть весь свет идет к концу –
Достою у всенощной!
Чем с другим каким к венцу –
Так с тобою к стеночке.

– Ну-кось, до меня охоч!
Не зевай, брательники!
Так вдвоем и канем в ночь:
Одноколыбельники.

13 декабря 1921

«Не ревновать и не клясть...»
Алексею Александровичу Чаброву

Не ревновать и не клясть,
В грудь призывая – все стрелы!
Дружба! – Последняя страсть
Недосожженного тела.

В сердце, где белая даль,
Гладь – равноденствие – ближний,
Смертолюбивую сталь
Переворачивать трижды.

Знать: не бывать и не быть!
В зоркости самоуправной
Как черепицами крыть
Молниеокою правду.

Рук непреложную рознь
Блюсть, костеня от гнева.
– Дружба! – Последняя кознь
Недоказненного чрева.

21 января 1922

«Не похорошела за годы разлуки!..»
С.Э.

Не похорошела за годы разлуки!

Попытка ревности. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Не будешь сердиться на грубые руки,

Хватающиеся за хлеб и за соль?

– Товарищества трудовая мозоль!

О, не прихорашивается для встречи

Любовь. – Не прогневайся на просторечье

Речей, – не советовала б пренебречь:

То летописи огнестрельная речь.

Разочаровался? Скажи без боязни!

То – выкорчеванный от дружб и приязней

Дух. – В путаницу якорей и надежд

Прозрения непоправимая брешь!

23 января 1922

«А и простор у нас татарским стрелам!..»
А и простор у нас татарским стрелам!

А и трава у нас густа – бурьян!

Не курским соловьем осоловелым,

Что похотью своею пьян,

Свищу над реченькою румянистой,

Той реченькою – не старей,

Покамест в неширокие полсвиста

Свищу – пытаться богатырей.

Ох и рубцы ж у нас пошли калеки!

– Алешеньки-то кровь, Ильи! –

Ох и красны ж у нас дымятся реки,

Малиновые полыньи.

В осоловелой оторопи банной –

Хрип княжеский да волчья сыть.

Всея соловьиной глоткой разливанной

Той оторопи не покрыть.

Вот и молчок-то мой таков претихии,

Что вывелась моя семья.

Попытка ревности. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Меж соловьев слезистых – соколиха,

А род веду – от Соловья.

9 февраля 1922

«Не приземист – высокоросл...»
Не приземист – высокоросл

Стан над выравненностью грядок.

В густоте кормовых ремесл

Хоровых не забыла радуг.

Сплю – и с каждым батрацким днем

Тверже в памяти благодарной,

Что когда-нибудь отдохнем

В верхнем городе Леонардо.

9 февраля 1922

Марина Цветаева. 1913 г.

«Слезы – на лисе моей облезлой!..»
Слезы – на лисе моей облезлой!

Глыбой – чересплечные ремни!

Громче паровозного железа,

Громче левогрудой стукотни –

Дребезг подымается над щебнем,

Скрежетом по рощам, по лесам.

Точно кто вгрызающимся гребнем

Разом – по семи моим сердцам!

Родины моей широкоскулой

Матерный, бурлацкий перегар,

Или же – вдоль насыпи сутулой

Шепоты и топоты татар.

Или мужичонка, на круг должный,

За косу красу – да о косяк?

(Может, людоедица с Поволжья

Склабом – о ребяческий костяк?)

Попытка ревности. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Аль Степан всплясал, Руси кормилец?

Или же за кровь мою, за труд –
Сорок звонарей моих взбесились –
И болярыню свою поют...

Сокол-перерезанные пути!
Шибче от кровавой колеи!
– То над родиной моею лютой
Исстрадавшиеся соловьи.

10 февраля 1922

«Сомкнутым строим...»
Сомкнутым строим –

Противу всех,
Дай же спокойно им
Спать во гробех.

Ненависть, – чти
Смертную блажь!
Ненависть, спи:
Рядышком ляжь!

В бранном их саване –
Сколько прорех!
Дай же им правыми
Быть во гробех.

Враг – пока здоров,
Прав – как упал.
Мертвым – устав
Червь да шакал.

Вместо глазниц –
Черные рвы.
Ненависть, ниц:
Сын – раз в крови!

Собственным телом

Попытка ревности. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Отдал за всех...

Дай же им белыми

Быть во гробех.

22 февраля 1921

«Знакомец! Отколева в наши страны?..»
Знакомец! Отколева в наши страны?

Которого ветра клясть?

Знакомец! С тобою в любовь не встану:

Твоя вороная масть.

Покамест костру вороному – пыхать,

Красавице – искра в глаз!

– Знакомец! Твоя дорогая прихоть,

А мой дорогой отказ.

Москва, 18 марта 1922

Пройти, чтоб не оставить следа,
Пройти, чтоб не оставить тени

Марина Ивановна с Муром. Начало 30-х гг..

«Есть час на те слова...»
Есть час на те слова.

Из слуховых глушизн

Высокие права

Выстукивает жизнь.

Быть может – от плеча,

Протиснутого лбом.

Быть может – от луча,

Невидимого днем.

В напрасную струну

Прах – взмах на простыню,

Дань страху своему

И праху своему.

Жарких самоуправств

Час – и тишайших просьб.

Попытка ревности. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Час безземельных братств.

Час мировых сиротств.

11 июня 1922

«Это пеплы сокровищ...»
Это пеплы сокровищ:

Утрат, обид.

Это пеплы, пред коими

В прах – гранит.

Голубь голый и светлый,

Не живущий четой.

Соломоновы пеплы

Над великой тщетой.

Беззакатного времени

Грозный мел.

Значит, БОГ в мои двери –

Раз дом сгорел!

Не удушенный в хламе,

Снам и дням господин,

Как отвесное пламя

Дух – из ранних седин!

И не вы меня предали,

Годы, в тыл!

Эта седость – победа

Бессмертных сил.

27 сентября 1922

«Спаси Господи, дым!..»
Спаси Господи, дым!

– Дым-то, БОГ с ним! А главное –

сырость!

С тем же страхом, с каким

Переезжают с квартиры:

С той же лампой вплоть, –

Лампой нищенств, студенчеств, окраин.

Хоть бы деревце, хоть

Для детей! – И каков-то хозяин?

И не слишком ли строг

Тот, в монистах, в монетах, в туманах,

Непреклонный как рок

Перед судорогой карманов.

И каков-то сосед?

Хорошо б холостой, да потише!

Тоже сладости нет

В том-то в старом – да нами надышан

Дом, пропитан насквозь!

Нашей затхлости запах! Как с ватой

В ухе – спелось, сжилось!

Не чужими: своими захватан!

Стар-то стар, сгнил-то сгнил,

А все мил... А уж тут: номера ведь!

Как рождаются в мир,

Я не знаю: но так умирают.

30 сентября 1922

Хвала богатым
И засим, упредив заране,

Что меж мной и тобою – мили!

Что себя причисляю к рвани,

Что честно мое место в мире:

Под колесами всех излишеств:

Стол уродов, калек, горбатых...

И засим, с колокольной крыши

Объявляю: люблю богатых!

За их корень, гнилой и шаткий,

С колыбели растящий рану,

За растерянную повадку
Из кармана и вновь к карману.

За тишайшую просьбу уст их,
Исполняемую как окрик.
И за то, что их в рай не впустят,
И за то, что в глаза не смотрят.

За их тайны – всегда с нарочным!
За их страсти – всегда с рассыльным!
За навязанные им ночи,
(И целуют и пьют насильно!)

И за то, что в учетах, в скуках,
В позолотах, в зевотах, в ватах,
Вот меня, наглеца, не купят –
Подтверждаю: люблю богатых!

А еще, несмотря на бритость,
Сытость, питость (моргну – и трачу!)
За какую-то – вдруг – побитость,
За какой-то их взгляд собачий

Сомневающийся...

– не стержень

ли к нулям? Не шалют ли гири?
И за то, что меж всех отверженств
Нет – такого сиротства в мире!

Есть такая дурная басня:
Как верблюды в иглу пролезли.
...За их взгляд, изумленный на-смерть,
Извиняющийся в болезни,

Как в банкротстве... «Ссудил бы... Рад бы –
Да»...

За тихое, с уст зажатых:

Попытка ревности. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
«По каратам считал, я – брат был»..

Присягаю: люблю богатых!

30 сентября 1922

Рассвет на рельсах
Покамест день не встал

С его страстями стравленными,

Из сырости и шпал

Россию восстанавливаю.

Из сырости – и свай,

Из сырости – и серости,

Покамест день не встал

И не вмешался стрелочник.

Туман еще щадит,

Еще, в холсты запахнутый,

Спит ломовой гранит,

Полей не видно шахматных...

Из сырости – и стай...

Еще вестями тальми

Лжет вороная сталь –

Еще Москва за шпалами!

Так, под упорством глаз –

Владением бесплотнейшим

Какая разлилась

Россия – в три полотнища!

И – шире раскручу!

Невидимыми рельсами

По сырости пуцу

Вагоны с погорельцами:

С пропавшими навек

Для Бога и людей!

(Знак: сорок человек

Попытка ревности. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
и восемь лошадей).

Так, посредине шпал,
Где даль шлагбаумом выросла,
Из сырости и шпал,
Из сырости – и сирости,

Покамест день не встал
С его страстями стравленными –
Во всю горизонталь
Россию восстанавливаю!

Без низости, без лжи:
Даль – да две рельсы синие...
Эй, вот она! – Держи!
По линиям, по линиям...

12 октября 1922

«В сиром воздухе загробном...»
В сиром воздухе загробном –
Перелетный рейс...
Сирой проволоки вздрог,
Повороты рельс...

Точно жизнь мою угнали
По стальной версте –
В сиром мóроке – две дали...
(Поклонись Москве!)

Точно жизнь мою убили.
Из последних жил
В сиром мóроке в две жилы
Истекает жизнь.

28 октября 1922

Офелия – в защиту королевы
Принц Гамлет! Довольно червивую залежь
Тревожить... На розы взгляни!
Подумай о той, что – единого дня лишь –

Считает последние дни.

Принц Гамлет! Довольно царицыны недра
Порочить... Не девственным – суд
Над страстью. Тяжеле виновная – Федра:
О ней и поныне поют.

И будут! – А Вы с Вашей примесью мела
И тлена... С костями злословь,
Принц Гамлет! Не Вашего разума дело
Судить воспаленную кровь.

Но если... Тогда берегитесь!.. Сквозь плиты –
Ввысь – в опочивальню – и всласть!
Своей Королеве встаю на защиту –
я, ваша бессмертная страсть.
28 февраля 1923

Марина Цветаева. Прага, 1920-е гг.

Поэты

1

Поэт – издалека заводит речь.

Поэта – далеко заводит речь.

Планетами, приметам, окольных
Притч рытвинами... Между да и нет
Он даже размахнувшись с колокольни
Крюк выморочит... Ибо путь комет –

Поэтов путь. Развеянные звенья
Причинности – вот связь его! Кверх лбом –
Отчаетесь! Поэтовы затмения
Не предугаданы календарем.

Он тот, кто смешивает карты,
Обманывает вес и счет,
Он тот, кто спрашивает с парты,
Кто Канта наголову бьет,

Кто в каменном гробу Бастилий
Как дерево в своей красе.
Тот, чьи следы – всегда простыли,
Тот поезд, на который все
Опаздывают...
– ибо путь комет

Поэтов путь: жжя, а не согревая.
Рвя, а не взращивая – взрыв и взлом –
Твоя стезя, гривастая кривая,
Не предугадана календарем!

8 апреля 1923

2
Есть в мире лишние, добавочные,
Не вписанные в окоём.
(Нечислящимся в ваших справочниках,
Им свалочная яма – дом.)

Есть в мире полые, затолканные,
Немотствующие – навоз,
Гвоздь – вашему подолу шелковому!
Грязь брезгует из-под колес!

Есть в мире мнимые, невидимые:
(Знак: лепрозариумов крап!)
Есть в мире Иовы, что Иову
Завидовали бы – когда б:

Поэты мы – и в рифму с париями,
Но, выступив из берегов,
Мы бога у богинь оспариваем
И девственницу у богов!

22 апреля 1923

3
Что же мне делать, слепцу и пасынку,

Попытка ревности. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
В мире, где каждый и отч и зряч,

Где по анафемам, как по насыпям –

Страсти! где насморком

Назван – плач!

Что же мне делать, ребром и промыслом

Певчей! – как провод! загар! Сибирь!

По наважденьям своим – как по мосту!

С их невесомостью

В мире гирь.

Что же мне делать, певцу и первенцу,

В мире, где наичернейший – сер!

Где вдохновенье хранят, как в термосе!

С этой безмерностью

В мире мер?!

22 апреля 1923

Поэма заставы

А покамест пустыня славы

Не засыпет мои уста,

Буду петь мосты и заставы,

Буду петь простые места.

А покамест еще в тенетах

Не увязла – людских кривизн,

Буду брать – труднейшую ноту,

Буду петь – последнюю жизнь!

жалобу труб.

Рай огородов.

Заступ и зуб.

чуб безбородых.

День без числа.

Верба зачахла.

Жизнь без чехла:

Попытка ревности. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Кровью запахло!

Потных и плотных.

Потных и тощих:

– Ну да на площадь?! –

Как на полотнах –

Как на полотнах

Только – и в одах:

Рев безработных,

Рев безбородых.

Ад? – Да.

Но и сад – для

Баб и солдат,

Старых собак,

Малых ребят.

«Рай – с драками?

Без – раковин

От устриц?

Без люстры?

С заплатами?!»

– Зря плакали:

У всякого –

Свой.

Здесь страсти поджары и ржавы:

Держав динамит!

Здесь часто бывают пожары:

Застава горит!

Здесь ненависть оптом и скопом:

Расправ пулемет!

Здесь часто бывают потопы:

Застава плывет!

Здесь плачут, здесь звоном и воем

Рассветная тишь.

Здесь отрочества под конвоем

Щебечут: шалишь!

Здесь платят! Здесь Богом и Чертом.

Горбом и торбой!

Здесь молодости как над мертвым

Поют над собой.

–

Здесь матери, дитя заспав...

– Мосты, пески, кресты застав! –

Здесь младшую купцу пропив...

Отцы...

– Кусты, кресты крапив...

– Пусти.

– Прости.

23 апреля 1923

Так вслушиваются...

1

Так вслушиваются (в исток

Вслушивается – устье).

Так внюхиваются в цветок:

Вглубь – до потери чувства!

Так в воздухе, который синь, –

Жажда, которой дна нет.

Так дети, в синеве простынь,

Всматриваются в память.

Так вчувствовывается в кровь

Отрок – доселе лотос.

...Так влюбливаются в любовь:

Впадываются в пропасть.

2

Друг! Не кори меня за тот

Взгляд, деловой и тусклый.

Так вглатываются в глоток:

Вглубь – до потери чувства!

Так в ткань вработываясь, ткач

Ткет свой последний пропад.

Так дети, вилакиваясь в плач,

Вшептываются в шепот.

Так вплясываются... (Велик

Бог – посему крутитесь!)

Так дети, вкрикиваясь в крик,

Вмалчиваются в тишь.

Так жалом тронутая кровь

Жалуется – без ядов!

Так вбаливаются в любовь:

Впадываются в: падать.

3 мая 1923

Хвала времени
Вере Аренской

Беженская мостовая!

Гикнуло – и понеслось

Опрометями колес.

Время! Я не поспеваю.

В летописях и в лобзаннях

Пойманное... но песка

Струечкою шелестя...

Время, ты меня обманешь!

Стрелками часов, морщин

Рытвинами – и Америк

Новшествами... – Пуст кувшин! –

Время, ты меня обмеришь!

Время, ты меня предашь!

Блудною женой – обнову

Выронишь... – «Хоть час да наш!»

– Поездá с тобой иного

Следования!.. –

Ибо мимо родилась

Времени! Вотще и все

Ратуешь! Калиф на час:

Время! Я тебя миную.

10 мая 1923

Прокрасться...

А может, лучшая победа

Над временем и тяготеньем –

Пройти, чтоб не оставить следа,

Пройти, чтоб не оставить тени

На стенах...

Может быть – отказом

Взять? Вычеркнуться из зеркал?

Так: Лермонтовым по Кавказу

Прокрасться, не встревожив скал.

А может – лучшая потеха

Перстом Себастиана Баха

Органного не тронуть эха?

Распасться, не оставив праха

На урну...

Может быть – обманом

Взять? Выписаться из широт?

Так: Временем как океаном

Прокрасться, не встревожив вод..

14 мая 1923

Рельсы

В некой разлинованности нотной

Нежась наподобие простынь –

Железнодорожные полотна,

Рельсовая режущая синь!

Пушкинское: сколько их, куда их

Гонит! (Миновало – не поют!)

Это уезжают-покидают,

Это остывают-отстают.

Это – остаются. Боль как нота

Высящаяся... Поверх любви

Высящаяся... Женою Лота

Насыпью застывшие столбы...

Час, когда отчаяньем как свахой

Простыни разостланы. – Твоя! –

И обезголосившая Сафо

Плачет как последняя швея.

Плач безропотности! Плач болотной

Цапли, знающей уже... Глубок

Железнодорожные полотна

Ножницами режущий гудок.

Растекись напрасною зарею

Красное напрасное пятно!

...Молодые женщины порою

Льстятся на такое полотно.

10 июля 1923

Час души

1

В глубокий час души и ночи,

Нечислящийся на часах,

Я отроку взглянула в очи,

Нечислящиеся в ночах

Ничьих еще, двойной запрудой

– Без памяти и по края! –

Покоящиеся...

Отсюда

Жизнь начинается твоя.

Седеющей волчицы римской

Взгляд, в выкормыше зрящей – Рим!

Сновидящее материнство

Скалы... Нет имени моим

Потерянностям... Все покровы

Сняв – выросшая из потерь! –

Так некогда над тростниковой

Корзиною клонилась дочь

Египетская...

14 июля 1923

2

В глубокий час души,

В глубокий – ночи...

(Гигантский шаг души,

Души в ночи)

В тот час, душа, верши

Миры, где хочешь

Царить – чертог души,

Душа, верши.

Ржавь губы, пороши

Ресницы – снегом.

(Атлантский вздох души,

Души – в ночи...)

В тот час, душа, мрачи

Глаза, где вегой

Взойдешь... Сладчайший плод

Душа, горчи.

Горчи и омрачай:

Расти: верши.

8 августа 1923

З
Есть час Души, как час Луны,
Совы – час, мглы – час, тьмы –
час... Час Души – как час струны
Давидовой сквозь сны

Сауловы... В тот час дрожи,
Тщета, румяна смой!
Есть час Души, как час грозы,
Дитя, и час сей – мой.

Час сокровеннейших низов
Грудных. – Плотины спуск!
Всё вещи сорвались с пазов,
Всё сокровенья – с уст!

С глаз – всё завесы! Всё следы –
вспять! На линейках – нот –
нет! Час Души, как час Беды,
Дитя, и час сей – бьет.

Беда моя! – так будешь звать.
Так, лекарским ножом
Истерзанные, дети – мать
Корят: «Зачем живем?»

А та, ладонями свежа
Горячку: «Надо. – Ляг».
Да, час Души, как час ножа,
Дитя, и нож сей – благ.

14 августа 1923

Поезд жизни
Не штык – так клык, так сугроб, так шквал, –
В Бессмертье что час – то поезд!
Пришла и знала одно: вокзал.

Попытка ревности. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Раскладываться не стоит.

На всех, на всё – равнодушьем глаз,
Которым конец – исконность.
О, как естественно в третий класс
Из душности дамских комнат!

Где от котлет разогретых, щек
Остывших... – Нельзя ли дальше,
Душа? Хотя бы в фонарный сток
От этой фатальной фальши:

Папильоток, пеленок.
Щипцов каленых,
Волос паленых,
Чепцов, клеенок,
О – де – ко – лонов
Семейных, швейных
Счастий (kleinwenig[5])
Взят ли кофейник?
Сушек, подушек, матрон, нянь,
Душности бонн, бань.

Не хочу в этом коробе женских тел
Ждать смертного часа!
Я хочу, чтобы поезд и пил и пел:
Смерть – тоже вне класса!

В удаль, в одурь, в гармошку, в надсад, в тщету!
– Эти нехристи и льнут же! –
Чтоб какой-нибудь странник: «На тем свету»...
Не дождавшись скажу: лучше!

Площадка. – И шпалы. – И крайний куст
В руке. – Отпускаю. – Поздно
Держаться. – Шпалы. – От стольких уст
Устала. – Гляжу на звезды.

Так через радугу всех планет
Пропавших – считал-то кто их? –
Гляжу и вижу одно: конец.
Раскаиваться не стоит.

6 октября 1923

«Древняя тщета течет по жилам...»
Древняя тщета течет по жилам,
Древняя мечта: уехать с милым!

К нилу! (Не на грудь хотим, а в грудь!)
К нилу – иль еще куда-нибудь

Дальше! За предельные пределы
Станций! Понимаешь, что из тела

Вон – хочу! (В час тупящихся вежд
Разве выступаем – из одежд?)

...За потустороннюю границу:
К Стиксу!..

7 октября 1923

Око
Фонари, горящие газом.
Леденеющим день от дня.
Фонари, глядящие глазом,
Не пойму еще – в чем? – вина,
Фонари, глядящие нáземь:
На младенцев и на меня.

23 октября 1923

«Ты, меня любивший фальшью...»
Ты, меня любивший фальшью
Истины – и правдой лжи,
Ты, меня любивший – дальше
Некуда! – За рубежи!

Ты, меня любивший дольше

Попытка ревности. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Времени. – Десницы взмах!

Ты меня не любишь больше:

Истина в пяти словах.

12 декабря 1923

Двое

1

Есть рифмы в мире сём:

Разъединишь – и дрогнет.

Гомер, ты был слепцом.

Ночь – на буграх надбровных.

Ночь – твой рапсодов плащ,

Ночь – на очах – завесой.

Разъединил ли б зряц

Елену с Ахиллесом?

Елена. Ахиллес.

Звук назови созвучней.

Да, хаосу вразрез

Построен на созвучьях

Мир, и, разъединен,

Мстит (на согласьях строен!)

Неверностями жен

Мстит – и горячей Троей!

Рапсод, ты был слепцом:

Клад рассорил, как рухлядь.

Есть рифмы – в мире том

Подобренные. Рухнет

Сей – разведешь. Что нужд

В рифме? Елена, старься!

...Ахеи лучший муж!

Сладостнейшая Спарты!

Лишь шорохом древес

Миртовых, сном кифары:

«Елена: Ахиллес:

Разрозненная пара».

30 июня 1924

2

Не суждено, чтобы сильный с сильным

Соединились бы в мире сем.

Так разминулись Зигфрид с Брунгильдой,

Брачное дело решив мечом.

В братственной ненависти союзной

– Буйволами! – на скалу – скала.

С брачного ложа ушел, неузнан,

И неопознанною – спала.

Порознь! – даже на ложе брачном –

Порознь! – даже сцепясь в кулак –

Порознь! – на языке двузначном –

Поздно и порознь – вот наш брак!

Но и постарше еще обида

Есть: амазонку подмяв как лев –

Так разминулися: сын Фетиды

С дочерью Аресовой: Ахиллес

С Пенфезилеей.

О вспомни – снизу

Взгляд ее! сбитого седока

Взгляд! не с Олимпа уже, – из жижи

Взгляд ее – все ж еще свысока!

Что ж из того, что отсель одна в нем

Ревность: женою урвать у тьмы.

Не суждено, чтобы равный – с равным...

. . . . .

Так разминовываемся – мы.

3 июля 1924

З
В мире, где всяк
Сгорблен и взмылен,
Знаю – один
Мне равносилен.

В мире, где столь
Многого хотим,
Знаю – один
Мне равномогущен.

В мире, где все –
Плесень и плюц,
Знаю: один
Ты – равносущ
Мне.

3 июля 1924

Попытка ревности
Как живется вам с другою, –
Проще ведь? – Удар весла! –
Линией береговою
Скоро ль память отошла

Обо мне, плавучем острове
(По небу – не по водам!)
Души, души! быть вам сестрами,
Не любовницами – вам!

Как живется вам с простою
Женщиною? Без божеств?
Государыню с престола
Свергши (с оногo сошед),

Как живется вам – хлопочется –
Ежится? Встается – как?
С пошлиной бессмертной пошлости
Как справляетесь, бедняк?

«Судорог да перебоев –
Хватит! Дом себе найму».
Как живется вам с любовью –
Избранному моему!

Свойственнее и съедобнее –
Снедь? Приестся – не пеняй..
Как живется вам с подобием –
Вам, поправшему Синай?

Как живется вам с чужою,
Здешнею? Ребром – любя?
Стыд Зевесовой вожжою
Не охлестывает лба?

Как живется вам – здоровится –
Можется? Поется – как?
С язвою бессмертной совести
Как справляетесь, бедняк?

Как живется вам с товаром
Рыночным? Оброк – крутой?
После мраморов Каррары
Как живется вам с трухой

Гипсовой? (Из глыбы высечен
Бог – и начисто разбит!.)
Как живется вам с сто-тысячной –
Вам, познавшему Лилит!

Рыночного новизною
Сыты ли? К волшбам остыв,
Как живется вам с земною
Женщиною, без шестых

Чувств?
Ну, за голову: счастливы?

Нет? в провале без глубин –
Как живется, милый? Тяжче ли –
Так же ли – как мне с другим?

19 ноября 1924

Жизни

1

Не возьмешь моего румянца –
Сильного – как разливы рек!
Ты охотник, но я не дамся,
Ты погоня, но я есмь бес.

Не возьмешь мою душу живу!
Так, на полном скаку погонь –
Пригибающийся – и жилу
Перекусывающий конь

Аравийский.

25 декабря 1924

2

Не возьмешь мою душу живу,
Не дающуюся как пух.
Жизнь, ты часто рифмуешь с: лживо, –
Безошибочен певчий слух!

Не задумана старожилом!
Отпусти к берегам чужим!
Жизнь, ты явно рифмуешь с жиром:
Жизнь: держи его! жизнь: нажим.

Жестоки у ножных костяшек
Кольца, в кость проникает ржа!
Жизнь: ножи, на которых пляшет
Любящая.

– Заждалась ножа!

28 декабря 1924

«Жив, а не умер...»

Попытка ревности. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Жив, а не умер

Демон во мне!
В теле как в трюме,
В себе как в тюрьме.

Мир – это стены.
Выход – топор.
(«Мир – это сцена», –
Лепечет актер).

И не слукавил,
Шут колченогий.
В теле – как в славе.
В теле – как в тоге.

Многие лета!
Жив – дорожи!
(Только поэты
В кости – как во лжи!)

Нет, не гулять нам,
Певчая братья,
В теле как в ватном
Отчем халате.

Лучшего стоим.
Чахнем в тепле.
В теле – как в стойле.
В себе – как в котле.

Бранных не копим
Великолепий.
В теле – как в топи,
В теле – как в склепе.

В теле – как в крайней
Ссылке. – Зацах!
В теле – как в тайне,

В висках – как в тисках

Маски железной.

5 января 1925

«Существования котловиною...»
Существования котловиною

Сдавленная, в столбняке глушизн,
Погребенная заживо под лавиною
Дней – как каторгу избываю жизнь.

Грбовое, глухое мое зимовье.

Смерти: инея на уста-красны –
Никакого иного себе здоровья
Не желаю от Бога и от весны.

11 января 1925

«Что, Муза, моя!..»
Что, Муза моя! Жива ли еще?

Так узник стучит к товарищу
В слух, в ямку, перстом продолбленную
– Что Муза моя? Надолго ли ей?

Соседки, сердцами спутанные.

Тюремное перестукиванье.

Что Муза моя? Жива ли еще?

Глазами не зная желающих,
Усмешкою правду кроющими,
Соседскими, справа-кочными

– Что, братец? Часочек выиграли?

Больничное перемигивание.

Эх, дело мое! Эх, марлевое!

Так небо боев над Армиями,
Зарницами вкось исчерканное,
Ресничное пересвёркиванье.

«Променявши на стремя...»

Попытка ревности. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Променявши на стремя –

Поминайте коня ворона!
Невозвратна как время,
Но возвратна как вы, времена

Года, с первым из встречных
Предающая дело родни,
Равнодушна как вечность,
Но пристрастна как первые дни

Весен... собственным пеньем
Опьяняясь, как ночь – соловьем,
Невозвратна как племя
Вымирающее (о нем

Гейне пел, – брак мой тайный:
Слаще гостя и ближе, чем брат...)
Невозвратна, как Рейна
Сновиденный убийственный клад.

Чиста-злата – нержавый,
Чиста-серебра – Вагнер? – нырни!
Невозвратна, как слава
Наша русская...

19 февраля 1925

«Рас – стояние: версты, мили...»
Рас – стояние: версты, мили...
Нас рас – ставили, рас – садили,
Чтобы тихо себя вели
По двум разным концам земли.

Рас – стояние: версты, дали...
Нас расклеили, распаяли,
В две руки развели, распяв,
И не знали, что это – сплав

Вдохновений и сухожилий...

Попытка ревности. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Не рассорили – рассорили.

Расслоили...

Стена да ров.

Расселили нас как орлов–

Заговорщиков: версты, дали...

Не расстроили – растеряли.

По трущобам темных широт

Рассовали нас как сирот.

Который уж, ну который – март?!

Разбили нас – как колоду карт!

24 марта 1925

«Русской ржи от меня поклон...»
Русской ржи от меня поклон,

Ниве, где баба застится.

Друг! Дожди за моим окном,

Беды и блажи на сердце...

Ты, в погудке дождей и бед

То ж, что Гомер – в гексаметре,

Дай мне руку – на весь тот свет!

Здесь – мои обе заняты.

Прага, 7 мая 1925

«Брат по песенной беде...»
Брат по песенной беде –

я завидую тебе.

Пусть хоть так она исполнится

– Помереть в отдельной комнате! –

Скольких лет моих? лет ста?

Каждодневная мечта.

–

И не жалость: мало жил,

И не горечь: мало дал.

Много жил – кто в наши жил

Дни: все дал, – кто песню дал.

Жить (конечно, не новей
Смерти!) жилам вопреки.
Для чего-нибудь да есть –
Потолочные крюки.

Начало января 1926

«кто мы? Потонул в медведях...»
Кто – мы? Потонул в медведях
Тот край, потонул в полозьях.
кто – мы? Не из тех, что ездят –
Вот – мы! А из тех, что возят:

Возницы. В раненьях жгучих
В грязь вбитые – за везучесть.

Везло! Через Дон – так голым
Льдом. Хвать – так всегда патроном
Последним. Привар – несолон.
Хлеб – вышел. Уж так везло нам!

Всю Русь в наведенных дулах
Несли на плечах сутулых.

Не вывезли! Пешим дралом –
В ночь, выхаркнуты народом!
кто мы? да по всем вокзалам!
кто мы? да по всем заводам!
По всем гнойникам гаремным[6] –
Мы, вставшие за деревню,
За – дерево...

С шестерней, как с бабой, сладившие –
Это мы – белоподкладочники?
С Моховой князья да с Бронной-то –
Мы-то – золотопогонники?

Гробокопы, клополовы –

Попытка ревности. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Подошло! подошло!

Это мы пустили слово:

Хорошо! хорошо!

Судомои, крысотравы,
Дом – верша, гром – глуша,
Это мы пустили славу:
– Хороша! хороша –
Русь!

Маляры-то в поднебесьице –
Это мы-то с жиру бесимся?
Баррикады в Пятом строили –
Мы, ребятами.
– История.

Баррикады, а нынче – троны.
Но все тот же мозольный лоск.
И сейчас уже Шарантоны
Не вмещают российских тоск.

Мрем от них. Под шинелью драной –
Мрем, наган наставляя в бред..
Перестраивайте Бедламы:
Все – малы для российских бед!

Бредит шпорой костыль – острите! –
Пулеметом – пустой обшлаг.
В сердце, явственном после вскрытья –
Ледяного похода знак.

Всеми пытками не исторгли!
И да будет известно – там:
Доктора узнают нас в морге
По не в меру большим сердцам.

St. Gilles-sur-Vie (Vendee)

Апрель 1926

Маяковскому

1

Чтобы край земной не вымер

Без отчаянных дядей,

Будь, младенец, Володимир:

Целым миром володей!

2

Литературная – не в ней

Суть, а вот – кровь пролейте!

Выходит каждые семь дней.

Ушедший – раз в столетье

Приходит. Сбит передовой

Боец. Каких, столица,

Еще тебе вестей, какой

Еще – передовицы?

Ведь это, милые, у нас,

Черновец – милюковцу:

«Владимир Маяковский? Да-с.

Бас, говорят, и в кофте

Ходил»...

Эх кровь–твоя–кровца!

Как с новью примириться,

Раз первого ее бойца

Кровь – на второй странице

(Известий).

3

«В гробу, в обыкновенном темном костюме, в устойчивых, грубых ботинках, подбитых железом, лежит величайший поэт революции».

(«Одnodневная газета», 24 апреля 1920 г.)

В сапогах, подкованных железом,

В сапогах, в которых гору брал –

Никаким обходом ни объездом

Не доставшийся бы перевал –

Израсходованных до сиянья

За двадцатилетний перегон.

Гору пролетарского Синая,
На котором праводатель – он.

В сапогах – двустопная жилплощадь,
Чтоб не вмешивался жилотдел –
В сапогах, в которых, понаморщась,
Гору нес – и брал – и клял – и пел –

В сапогах и до и без отказу
По невспаханностям Октября,
В сапогах – почти что водолаза:
Пехотинца, чище ж говоря:

В сапогах великого похода,
На донбассовских, небось, гвоздях.
Гору горя своего народа
Стапятидесяти (Госиздат)

Миллионного... – В котором роде
Своего, когда который год:
«Ничего-де своего в заводе!»
Всех народов горя гору – вот.

Так вот в этих – про его Рольс-Ройсы
Говорок еще не приутих –
Мертвый пионерам крикнул: Стройся!
В сапогах – свидетельствующих.

4
Любовная лодка разбилась о быт.
И полушки не поставишь
На такого главаря.
Лодка-то твоя, товарищ,
Из какого словаря?

В лодке, да еще в любовной,
Запрокинуться – скандал!
Разин – чем тебе не ровня? –

Попытка ревности. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Лучше с бытом совладал.

Эко новшество – лекарство
Хлещущее, что твой кран!
Парень, не по-пролетарски
Действуешь – а что твой пан!

Стоило ж в богов и в матку
Нас, чтоб – кровь, а не рассвет! –
Класса белую подкладку
Выворотить напослед.

Вроде юнкера, на Тóске
Выстрелившего – с тоски!
Парень! не по-маяковски
Действуешь: по-шаховски.

Фуражечку б на бровишки
И – прощай, моя джаным!
Правнуком своим проживши,
Кончил – прадедом своим.

То-то же, как на поверку
Выйдем – стыд тебя заест:
Совето-российский Вертер.
Дворяно-российский жест.

Только раньше – в околодок,
Нынче ж...

– Враг ты мой родной!
Никаких любовных лодок
Новых – нету под луной.

5
Выстрел – в самую душу,
Как только что по врагам.
Богоборцем разрушен
Сегодня последний храм.

Попытка ревности. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Еще раз не осекся,

И, в точку попав, – усоп.
Было, стало быть, сердце,
Коль выстрелу следом – стоп.

(Зарубежье, встречаясь:
«Ну, казус! Каков фугас!
Значит – тоже сердца есть?
И с той же, что и у нас?»)

Выстрел – в самую точку,
Как в ярмарочную цель.
(Часто – левую мочку
Отбривши – с женой в постель.)

Молодец! Не прошибся!
А женщины ради – что ж!
И Елену паршивкой
– Подумавши – назовешь.

Лишь одним, зато знатно,
Нас лефовец удивил:
Только вправо и знавший
Палить-то, а тут – слевил.

Кабы в правую – сверк бы
Ланцетик – и здрав ваш шеф.
Выстрел в левую створку:
Ну в самый-те Центропев!

б
Зерна огненного цвета
Брошу на ладонь,
Чтоб предстал он в бездне света
Красный как огонь.
Советским вельможей,
При полном Синоде...
– Здорово, Сережа!

Попытка ревности. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

– Здорово, Володя!

Умаялся? – Малость.

– По общим? – По личным.

– Стрелялось? – Привычно.

– Горелось? – Отлично.

– Так, стало быть, пожил?

– Пасс в нек'тором роде.

...Негоже, Сережа!

...Негоже, Володя!

А помнишь, как матом

Во весь свой эстрадный

Басище – меня-то

Обкладывал? – Ладно

Уж... – Вот-те и шляпка

Любовная лодка!

Ужель из-за юбки?

– Хужей из-за водки.

Опухшая рожа.

С тех пор и на взводе?

Негоже, Сережа.

– Негоже, Володя.

А впрочем – не бритва –

Сработано чисто.

Так, стало быть, бита

Картишка? – Сочится.

– Приложь подорожник.

– Хорош и коллодий.

Приложим, Сережа?

– Приложим, Володя.

А что на Рассее –

Попытка ревности. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
На матушке? – То есть

Где? – В Эсэсэсере

Что нового? – Строят.

Родители – родят,

Вредители – точут,

Издатели – водят,

Писатели – строчут.

Мост новый заложен,

Да смыт половодьем.

Все то же, Сережа!

– Все то же, Володя.

А певчая стая?

– Народ, знаешь, тертый!

Нам лавры сплетая,

У нас как у мертвых

Прут. Старую Росту

Да завтрашним лаком.

Да не обойдешься

С одним Пастернаком.

Хошь, руку приложим

На ихнем безводье?

Приложим, Сережа?

– Приложим, Володя!

Еще тебе кланяется...

– А что добрый

Наш Льсан Алексаныч?

– Вон – ангелом! – Федор

Кузьмич? – На канале:

По красные щеки

Пошел. – Гумилев Николай?

– На Востоке.

(В кровавой рогоже,
На полной подводе...)

– Все то же, Сережа.

– Все то же, Володя.

А коли все то же,
Володя, мил-друг мой –
Вновь руки наложим,
Володя, хоть рук – и –
Нет.

– Хотя и нету,
Сережа, мил-брат мой,
Под царство и это
Подложим гранату!

И на растворенном
Нами восходе –
Заложим, Сережа!
– Заложим, Володя!

7
Много храмов разрушил,
А этот – ценней всего.
Упокой, Господи, душу усопшего врага твоего.

Савойя, август 1930

Марина Цветаева, Аля, Сергей Эфрон. Чехия.

Лучина
До Эйфелевой – рукою
Подать! Подавай и лезь.
Но каждый из нас – такое
Зрел, зрит, говорю, и днесь,

Что скушным и некрасивым
Нам кажется <ваш> Париж.
«Россия моя, Россия,

Зачем так ярко горишь?»

Июнь 1931

Стихи к Пушкину

1

Бич жандармов, бог студентов,

желчь мужей, услада жен,

Пушкин – в роли монумента?

Гостя каменного? – он,

Скалозубый, нагловзорый

Пушкин – в роли Командора?

Критик – ноя, нытик – вторя:

«Где же пушкинское (взрыд)

Чувство меры?» Чувство – моря

Позабыли – о гранит

Бьющегося? Тот, соленый

Пушкин – в роли лексикона?

Две ноги свои – погреться –

Вытянувший, и на стол

Вспрыгнувший при Самодержце

Африканский самовол –

Наших прадедов умора –

Пушкин – в роли гувернера?

Черного не перекрасить

в белого – неисправим!

Недурен российский классик,

Небо Африки – своим

Звавший, невское – проклятым!

– Пушкин – в роли русопята?

Ох, брадатые авгуры!

Задал, задал бы вам бал

Тот, кто царскую цензуру

Попытка ревности. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Только с дурой рифмовал,

А «Европы Вестник» – с...

Пушкин – в роли гробокопа?

К пушкинскому юбилею

Тоже речь произнесем:

Всех румяней и смуглее

До сих пор на свете всем,

Всех живучей и живее!

Пушкин – в роли мавзолея?

То-то к пушкинским избушкам

Лепитесь, что сами – хлам!

Как из душа! Как из пушки –

Пушкиным – по соловьям

Слоэва, соколаэм полета!

– Пушкин – в роли пулемета!

Уши лопнули от вопля:

«Перед Пушкиным во фронт!»

А куда девали пекло

Губ, куда девали – бунт

Пушкинский? уст окаянство?

Пушкин – в меру пушкиньянца!

Томики поставив в шкафчик –

Посмешаете ж его,

Беженство свое смешавши

С белым бешенством его!

Белокровье мозга, морга

Синь – с оскалом негра, горло

Кажущим...

Поскакал бы, Всадник Медный,

Попытка ревности. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Он со всех копыт – назад.

Трусоват был Ваня бедный,
Ну, а он – не трусоват.

Сей, глядевший во все страны –
В роли собственной Татьяны?

Чтоэ вы делаете, карлы,
Этот – голубей олив –
Самый вольный, самый крайний
Лоб – навеки заклеимив

Низостию двуединой
Золота и середины?

«Пушкин – тога, Пушкин – схима,
Пушкин – мера, Пушкин – грань...»
Пушкин, Пушкин, Пушкин – имя
Благородное – как брань

Площадную – попугаи.

– Пушкин? Очень испугали!

25 июня 1931

2
Петр и Пушкин
Не флотом, не по́том, не задом
В заплатках, не Шведом у ног,
Не ростом – из всякого ряду,
Не сносом – всего, чему срок,
Не лотом, не бóтом, не пивом
Немецким сквозь кнастеров дым,
И даже и не Петро-дивом
Своим (Петро-делом своим!).

И бóльшего было бы мало
(Бог дал, человек не обузь!) –
Когда б не привез Ганнибала–

Арапа на белую Русь.

Сего афричонка в науку
Взяв, всем россиянам носы
Утер и наставил, – от внука-
то негрского – свет на Руси!

Уж он бы вертлявого – в струнку
Не стал бы! – «На волю? Изволь!
Такой же ты камерный юнкер,
Как я – машкерадный король!»

Поняв, что ни пеной, ни пемзой –
Той Африки, – царь-грамотей
Решил бы: «Отныне я – цензор
Твоих африканских страстей».

И дав бы ему по загривку
Курчавому (стричь-не остричь!):
«Иди-ка, сынок, на побывку
В свою африканскую дичь!

Плыви – ни об чем не печалься!
Чай есть в паруса кому дуть!
Соскучишься – так ворочайся,
А нет – хошь и дверь позабуди!

Приказ: ледяные туманы
Покинув – за пядию пядь
Обследовать жаркие страны
И виршами нам описать».

И мимо наставленной свиты,
Отставленной – прямо на склад,
Гигант, отпустивши пииту,
Помчал – по земле или над?

Сей не по снегам смуглолицый

Российским – снегов Измаил!

Уж он бы заморскую птицу

Архивами не заморил!

Сей, не по кровям торопливый

Славянским, сей тоже – метис!

Уж ты б у него по архивам

Отечественным не закис!

Уж он бы с тобою – поладил!

За непринужденный поклон

Разжалованный – Николаем,

Пожалованный бы – Петром!

Уж он бы жандармского сыска

Не крыл бы «отечеством чувств»!

Уж он бы тебе – василиска

Взгляд! – не замораживал уст.

Уж он бы полтавских не комкал

Концов, не тупил бы пера.

За что недостойным потомком –

Подонком – опенком Петра

Был сослан в румынскую область,

Да ею б – пожалован был

Сим – так ненавидевшим робость

Мужскую, – что сына убил

Сробевшего. – «Эта мякина –

я? – вот и роди! и расти!»

Был негр ему истинным сыном,

Так истинным правнуком – ты

Останешься. Заговор равных.

И вот, не спросясь повитух,

Гигантова крестника правнук

Попытка ревности. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Петров унаследовал дух.

И шаг, и светлейший из светлых
Взгляд, коим поныне светла..
Последний – посмертный – бессмертный
Подарок России – Петра.

2 июля 1931

3
(Станок)
Вся его наука –

Мощь. Светло – гляжу:
Пушкинскую руку
Жму, а не лижу.

Прадеду – товарка:
В той же мастерской!
Каждая помарка –
Как своей рукой.

Вольному – под стопки?
Мне, в котле чудес
Сем – открытой скобки
Ведающей – вес,

Мнящейся описки –
Смысл, короче – всё.
Ибо нету сыска
Пуще, чем родство!

Пелось как – поется
И поныне – так.
Знаем, как «дается»!
Над тобой, «пустяк»,

Знаем – как потелось!
От тебя, мазок,
Знаю – как хотелось
В лес – на бал – в возок...

И как – спать хотелось!
Над цветком любви –
Знаю, как скрипелось
Негрскими зубьями!

Перья на вострóты –
Знаю, как чинил!
Пальцы не просохли
От его чернил!

А зато – меж талых
Свеч, картежных сеч –
Знаю – как стрясалось!
От зеркал, от плеч

Голых, от бокалов
Битых на полу –
Знаю, как бежалось
К голому столу!

В битву без злодейства:
Самого – с самим!
– Пушкиным не бейте!
Ибо бью вас – им!

1931

4
Преодоление
Косности русской –
Пушкинский гений?
Пушкинский мускул

На кашалотьей
Туше судьбы –
Мускул полета,
Бега,
Борьбы.

С утренней негой
Бившийся – бодро!
Ровного бега,
Долгого хода –

Мускул. Побегов
Мускул степных,
Шляпки, что к берегу
Тщится сквозь вихрь.

Не онедужен
Русскою кровью –
О, не верблюжья
И не воловья

Жила (усердство
Из-под ремня!) –
Конского сердца
Мышца – моя!

Больше балласту –
Краше осанка!
Мускул гимнаста
И арестанта,

Что на канате
Собственных жил
Из каземата –
Соколом взмыл!

Пушкин – с монаршьих
Рук руководством
Бившийся так же
Насмерть – как бьется

(Мощь – прибывала,
Сила – росла)

С мускулом вала
Мускул весла.

Кто-то, на фуру
Несший: «Атлета
Мускулатура,
А не поэта!»
То – серафима
Сила – была:
Несокрушимый
Мускул – крыла.

10 июля 1931

(Поэт и царь)
1(5)
Потусторонним

Залом царей.
– А непреклонный
Мраморный сей?

Столь величавый
В золоте барм.
– Пушкинской славы
Жалкий жандарм.

Автора – хаял,
Рукопись – стриг.
Польского края –
Зверский мясник.

Зорче взглядися!
Не забывай:
Певцоубийца
Царь Николай
Первый.

12 июля 1931

2(6)

Попытка ревности. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Нет, бил барабан перед смутным полком,

Когда мы вождя хоронили:

То зубы царицы над мертвым певцом

Почетную дробь выводили.

Такой уж почет, что ближайшим друзьям –

Нет места. В изглавы, в изножи,

И справа, и слева – ручищи по швам –

Жандармские груди и рожи.

Не диво ли – и на тишайшем из лож

Пребыть поднадзорным мальчишкой?

На что-то, на что-то, на что-то похож

Почет сей, почетно – да слишком!

Гляди, мол, страна, как, молве вопреки,

Монарх о поэте печется!

Почетно – почетно – почетно – архи-

почетно, – почетно – до черту!

Кого ж это так – точно воры вора

Пристреленного – выносили?

Изменника? Нет. С проходного двора –

Умнейшего мужа России.

Медон, 19 июля 1931

З(7)

Народоправству, свалившему трон,

Не упразднившему – тренья:

Не поручать палачам похорон

Жертв, цензорам – погребенья

Пушкиных. В непредуказанный срок,

В предотвращение смуты.

Не увозить под (великий!) шумок

По воровскому маршруту –

Не обрекать на последний мрак,

Попытка ревности. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Полную глухонемость

Тела, обкарнанного и так
Ножницами – в поэмах.

19 июля 1933

Страна
С фонарем обшарьте
Весь подлунный свет!
Той страны на карте –
Нет, в пространстве – нет.

Выпита как с блюда, –
Донышко блестит.
Можно ли вернуться
В дом, который – срыт?

Заново родися –
В новую страну!
Ну-ка, воротися
На спину коню

Сбросившему! Кости
Целы-то – хотя?
Эдакому гостю
Булочник – ломтя

Ломаного, плотник –
Гроба не продаст!
Той ее – несчетных
Верст, небесных царств,

Той, где на монетах –
Молодость моя,
Той России – нету.

– Как и той меня.

Конец июня 1931

Ода пешему ходу

1

В век сплошных скоропадских,
Роковых скоростей –
Слава стойкому братству
Пешехожих ступней!

Всёутёсно, всёрошно,
Прямиком, без дорог,
Обивающих мощно
Лишь природы – порог,

Дерзко поправный веком.
(В век турбин и динам
Только жить, что калекам!)
...Но и мстящей же вам

За рекламные клейма
На вскормившую грудь.
– Нет, безногое племя,
Даль – ногами добудь!

Слава толстым подметкам,
Сапогам на гвоздях,
Ходокам, скороходкам –
Божествам в сапогах!

Если есть в мире – ода
Богу сил, богу гор –
Это взгляд пешехода
На застрявший мотор.

Сей ухмыл в пол-аршина,
Просто – шире лица:
Пешехода на шину
Взгляд – что лопается!

Поглядите на чванством
Распираемый торс!

Попытка ревности. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Паразиты пространства,

Алкоголики верст –

Что сквозь пыльную тучу

Рукоплещущих толп

Расшибаются.

– Случай?

– Дури собственной – столб.

2

Вот он, грузов наспинных

Бич, мечтателей меч!

Красоту – как насильник

С ног сшибающий: лечь!

Не ответит и ляжет –

Как могила – как пласт, –

Но лица не покажет

И души не отдаст...

Ничего не отдаст вам

Ни апрель, ни июль, –

О безглазый, очкастый

Лакированный нуль!

Между Зюдом и Нордом –

Поставщик суеты!

Ваши форды (рекорды

Быстроты: пустоты),

Ваши Рольсы и Ройсы –

Змея ветхая лесть!

Сыне! Господа бойся,

Ноги давшего – бресть.

Драгоценные куклы

С Оперá и Мадлэн,

Вам бы тихие туфли

Мертвецовы – взамен

Лакированных лодок.

О, холодная ложь
Манекенных колодок,
Неступивших подошв!

Слава Господу в небе –
Богу сил, Богу царств –
За гранит и за щебень,
И за шпат и за кварц,

Чистоганную сдачу
Под копытом – кремня...
И за то, что – ходячим
Чудом – создал меня!

З
Дармоедством пресытятся,
С шины – спешится внук.
Пешеходы! Держитесь –
Ног, как праотцы – рук.

Где предел для резины –
Там простор для ноги.
Не хватает бензину?
Вздыху – хватит в груди!

Как поток жаждет Прага,
Так восторг жаждет – трат.
Ничему, кроме шага,
Не учите ребят!

По ручьям, по моррэнам,
Дальше – нет! дальше – стой!
Чтобы Альпы – коленом
Знал, саванны – ступней.

Я костями, други, лягу –
За раскрытие школ!

Чтоб от первого шага
До последнего – шел

Внук мой! отпрыск мой! мускул,
Посрамивший Аид!
Чтобы в царстве моллюсков –
На своих – на двоих!

Медон, 26 августа 1931 Кламар,
30 марта 1933

Дом
Из-под нахмуренных бровей
Дом – будто юности моей
День, будто молодость моя
Меня встречает: – Здравствуй, я!

Так самочувственно-знаком
Лоб, прячущийся под плащом
Плюща, срастающийся с ним,
Смущающийся быть большим.

Недаром я – грузи! вези! –
В непросыхающей грязи
Мне предоставленных трущоб
Фронтоном чувствовала лоб.
Аполлонический подъем
Музейного фронтона – лбом

Своим. От улицы вдали
Я за стихами кончу дни –
Как за ветвями бузины.

Глаза – без всякого тепла:
То зелень старого стекла,
Сто лет глядящегося в сад,
Пустующий – сто пятьдесят.

Стекла, дремучего, как сон,

Окна, единственный закон
Которого: гостей не ждать,
Прохожего не отражать.

Не сдавшиеся злобе дня
Глаза, оставшиеся – да! –
Зерцалами самих себя.

Из-под нахмуренных бровей –
О, зелень юности моей!
Та – риз моих, та – бус моих,
Та – глаз моих, та – слез моих...

Меж обступающих громад –
Дом – пережиток, дом – магнат,
Скрывающийся между лип.
Девический дагерротип

Души моей...

6 сентября 1931

Бузина
Бузина цельный сад залила!
Бузина зелена, зелена,
Зеленее, чем плесень на чане!
Зелена, значит, лето в начале!
Синева – до скончания дней!
Бузина моих глаз зеленей!

А потом – через ночь – костром
Ростопчинским! – в очах краснó
От бузинной пузырчатой трели.
Красней кори на собственном теле
По всем порам твоим, лазорь,
Рассыпающаяся корь

Бузины – до зимы, до зимы!
Что за краски разведены

В мелкой ягоде слаще яда!
Кумача, сургуча и ада –
Смесь, коралловых мелких бус
Блеск, запекшейся крови вкус.

Бузина казнена, казнена!
Бузина – целый сад залила
Кровью юных и кровью чистых,
Кровью веточек огнекистых –
Веселейшей из всех кровей:
Кровью сердца – твоей, моей...

А потом – водопад зерна,
А потом – бузина черна:
С чем-то сливовым, с чем-то липким.
Над калиткой, стонавшей скрипкой,
Возле дома, который пуст,
Одинокий бузинный куст.

Бузина, без ума, без ума
я от бус твоих, бузина!
Степь – хунхузу, Кавказ – грузину,
Мне – мой куст под окном бузинный
Дайте. Вместо Дворцов Искусств
Только этот бузинный куст...

Новоселы моей страны!
Из-за ягоды – бузины,
Детской жажды моей багровой,
Из-за древа и из-за слова:
Бузина (по сей день – ночьюми...),
Яда – всосанного очьми...

Бузина багрова, багрова!
Бузина – целый край забрала
В лапы. Детство мое у власти.

Нечто вроде преступной страсти,
Бузина, меж тобой и мной.
я бы века болезнь – бузиной

Назвала...

11 сентября 1931,
Медон 21 мая 1935, Ванв

Стихи к сыну

1

Ни к городу и ни к селу –
Езжай, мой сын, в свою страну, –
в край – всем краям наоборот! –
Куда назад идти – вперед
Идти, – особенно – тебе,
Руси не видывавшее

Дитя мое... Мое? Ее –
дитя! То самое былье,
которым порастает быль.
Землицу, стершуюся в пыль,
ужель ребенку в колыбель
Нести в трясущихся горстях:
«Русь – этот прах, чти – этот прах!»

От неиспытанных утрат –
Иди – куда глаза глядят!
Всех стран – глаза, со всей земли –
Глаза, и синие твои
Глаза, в которые гляжусь:
В глаза, глядящие на Русь.

Да не поклонимся словам!
Русь – прадедам, Россия – нам,
Вам – просветители пещер –
Призывное: СССР, –
Не менее во тьме небес

Попытка ревности. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Призывное, чем: SOS.

Нас родина не позовет!

Езжай, мой сын, домой – вперед –

В свой край, в свой век, в свой час, – от нас –

В Россию – вас, в Россию – масс,

В наш-час – страну! в сей-час – страну!

В на-Марс – страну! в без-нас – страну!

январь 1932

2

Наша совесть – не ваша совесть!

Полно! – Вольно! – О всем забыв,

Дети, сами пишите повесть

Дней своих и страстей своих.

Соляное семейство Лота –

вот семейственный ваш альбом!

Дети! Сами сводите счета

С выдаваемым за Содом –

Градом. С братом своим не дравшись –

дело чисто твое, кудряш!

Ваш край, ваш век, ваш день, ваш час,

Наш грех, наш крест, наш спор, наш –

Гнев. В сиротские пелеринки

Облаченные отродясь –

Перестаньте справлять поминки

По Эдему, в котором вас

Не было! по плодам – и видом

Не видали! Поймите: слеп –

вас ведущий на панихиду

По народу, который хлеб

Ест, и вам его даст, – как скоро

Из Медона – да на Кубань.

Попытка ревности. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Наша ссора – не ваша ссора!

Дети! Сами творите брань

Дней своих.

январь 1932

З
Не быть тебе нулем
Из молодых – да вредным!
Ни медным королем,
Ни попросту – спортсмедным

лбом, ни слепцом путей,
Коптителем кают,
Ни парой челюстей,
Которые жуют, –

В сём полагая цель.
Ибо в любую щель –
я – с моим ветром буйным!
Не быть тебе буржуем.

Ни галльским петухом,
Хвост заложившим в банке,
Ни томным женихом
Седой американки, –

Нет, ни одним из тех,
Дописанных, как лист,
Которым – только смех
Остался, только свист

Достался от отцов!
С той стороны весов
я – с черноземным грузом!
Не быть тебе французом.

Но также – ни одним
Из нас, досадных внукам!

Кем будешь – БОГ один..
Не будешь кем – порукой –
я, что в тебя – всю Русь
Вкачала – как насосом!
БОГ видит – побожусь! –
Не будешь ты отбросом
Страны своей.

22 января 1932

Родина
О неподатливый язык!
Чего бы попросту – мужик,
Пойми, певал и до меня:
– Россия, родина моя!

Но и с калужского холма
Мне открывалась она –
Даль – тридевятая земля!
Чужбина, родина моя!

Даль, прирожденная, как боль,
Настолько родина и столь
Рок, что повсюду, через всю
даль – всю ее с собой несусь!

Даль, отдалившая мне близь,
Даль, говорящая: «Вернись
Домой!»

Со всех – до горних звезд –
Меня снимающая мест!
Недаром, голубей воды,
я далью обдавала лбы.

Ты! Сей руки своей лишусь, –
Хоть двух! Губами подпишусь
На плахе: распрь моих земля –

Гордыня, родина моя!

12 мая 1932

«Никуда не уехали – ты да я...»
Никуда не уехали – ты да я –

Обернулись прорехами – все моря!

Совладельцам пятерки рваной –

Океаны не по карману!

Нищеты вековечная сухомять!

Снова лето, как корку, всухую мять!

Обернулось нам море – мелью:

Наше лето – другие съели!

С жиру лопающиеся: жир – их «лоск»,
что не только что масло едят, а мозг
Наш – в поэмах, в сонатах, в сводах:
Людоеды в парижских модах!

Нами – лакомящиеся: франк – за вход.
О, урод, как водой туалетной – рот
Сполоснувший – бессмертной песней!
Будьте прокляты вы – за весь мой

Стыд: вам руку жать, когда зуд в горсти, –
Пятью пальцами – да от всех пяти
Чувств – на память о чувствах добрых –
Через все вам лицо – автограф!

1932 1935

Стол

1

Мой письменный верный стол!

Спасибо за то, что шел

Со мною по всем путям.

Меня охранял – как шрам.

Мой письменный вьючный мул!

Спасибо, что ног не гнул

Под ношей, поклажу грез –
Спасибо – что нес и нес.

Строжайшее из зеркал!
Спасибо за то, что стал
– Соблазнам мирским порог –
Всем радостям поперек,

Всем низостям – наотрез!
Дубовый противовес
Льву ненависти, слону
Обиды – всему, всему.

Мой заживо смертный тес!
Спасибо, что рос и рос
Со мною, по мере дел
Настольных – большал, ширел,

Так ширился, до широт –
Таких, что, раскрывши рот,
Схватясь за столовый кант...
– Меня заливал, как шtrand!

К себе пригвоздив чуть свет –
Спасибо за то, что – вслед
Срывался! На всех путях
Меня настигал, как шах –

Беглянку.
– Назад, на стул!
Спасибо за то, что блюл
И гнул. У не вечных благ
Меня отбивал – как маг –

Сомнамбулу.
Битв рубцы,
Стол, выстроивший в столбцы

Попытка ревности. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Горящие: жил багрец!

Деяний моих столбец!

Столп столпника, уст затвор –
Ты был мне престол, простор –
Тем был мне, что морю толп
Еврейских – горящий столп!

Так будь же благословен –
Лбом, локтем, узлом колен
Испытанный, – как пила
В грудь вьевшийся – край стола!

июль 1933

2

Тридцатая годовщина

Союза – верней, любви.

Я знаю твои морщины,
Как знаешь и ты – мои,

Которых – не ты ли – автор?
Съедавший за дестью десть,
Учивший, что нету – завтра,
Что только сегодня – есть.

И деньги, и письма с почты –
Стол – сбрасывавший – в поток!
Твердивший, что каждой строчки
Сегодня – последний срок.

Грозивший, что счетом ложек
Создателю не воздашь,
Что завтра меня положат –
Дурищу – да на тебя ж!

3

Тридцатая годовщина

Союза – держись, злецы!

Я знаю твои морщины,

Попытка ревности. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Изъяны, рубцы, зубцы –

Малейшую из зазубрин!

(Зубами – коль стих не шел!)

Да, был человек возлюблен!

И сей человек был – стол

Сосновый. Не мне на всхолмье

Березу берёг карел!

Порой еще с слезкой смольной,

Но вдруг – через ночь – старел,

Разумнел – так школьник дерзость

Сдаёт под мужской нажим.

Сажусь – еле доску держит,

Побьюсь – точно век дружим!

Ты – стоя, в упор, я – спину

Согнувши – пиши! пиши! –

Которую десятину

Вспахали, версту – прошли,

Покрыли: письмом – красивой

Не сыщешь в державе всей!

Не меньше, чем пол-России

Покрыто рукою сей!

Сосновый, дубовый, в лаке

Грошовом, с кольцом в ноздрях,

Садовый, столовый – всякий,

Лишь бы не на трех ногах!

Как трех Самозванцев в браке

Признавшая тезка – тот!

Бильярдный, базарный – всякий –

Лишь бы не сдавал высот

Заветных. Когда ж подастся

Попытка ревности. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Железный – под локтевым

Напором, столов – богатство!

Вот пень: не обнять двоим!

А паперть? А край колодца?

А старой могилы – пласт?

Лишь только б мои два локтя

Всегда утверждали: – даст

Бог! Есть Бог! Поэт – устроичив:

Всё – стол ему, всё – престол!

Но лучше всего, всех стойче –

Ты, – мой наколенный стол!

Около 15 июля 1933

29–30 октября 1935

4
Обидел и обошел?

Спасибо за то, что – стол

Дал, стойкий, врагам на страх

Стол – на четырех ногах

Упорства. Скорей – скалу

Своротишь! И лоб – к столу

Подстатный, и локоть под –

Чтоб лоб свой держать, как свод.

– А прочего дал в обрез?

А прочный, во весь мой вес,

Просторный, – во весь мой бег,

Стол – вечный – на весь мой век!

Спасибо тебе, Столяр,

За доску – во весь мой дар,

За ножки – прочней химер

Парижских, за вещь – в размер.

5
Мой письменный верный стол!

Попытка ревности. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Спасибо за то, что ствол

Отдав мне, чтоб стать – столом,
Остался – живым стволом!

С листвы молодой игрой
Над бровью, с живой корой,
С слезами живой смолы,
С корнями до дна земли!

17 июля 1933

б
Квиты: вами я объедена,
Мною – живописаны.
Вас положат – на обеденный,
А меня – на письменный.

Оттого что, йотой счастлива,
Яств иных не ведала.
Оттого что слишком часто вы,
Долго вы обедали.

Всяк на выбранном заранее –
«Много до рождения! –»
Месте своего деяния,
Своего радения:

Вы – с отрывками, я – с книжками,
С трюфелем, я – с грифелем,
Вы – с оливками, я – с рифмами,
С пикулем, я – с дактилем.

В головах – свечами смертными
Спаржа толстоногая.
Полосатая десертная
Скатерть вам – дорогою!

Табачку пыхнем гаванского
Слева вам – и справа вам.

Попытка ревности. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Полотняная голландская

Скатерть вам – да саваном!

А чтоб скатертью не тратиться –
В яму, место низкое,
Вытряхнут <вас всех со скатерти>:
С крошками, с огрызками.

Каплуном-то вместо голубя
– Порх! – душа – при вскрытии.
А меня положат – голуя:
Два крыла прикрытием.

Конец июля 1933

«Тоска по родине! Давно...»
Тоска по родине! Давно

Разоблаченная морока!
Мне совершенно все равно –
Где совершенно одинокой
Быть, по каким камням домой
Брести с кошелкою базарной
В дом, и не знающий, что – мой,
Как госпиталь или казарма.

Мне все равно, каких среди
Лиц ошестиниваться пленным
Львом, из какой людской среды
Быть вытесненной – непременно –
В себя, в единоличье чувств.
Камчатским медведем без льдины
Где не ужиться (и не тщусь!),
Где унижаться – мне едино.

Не обольщусь и языком
Родным, его призывом млечным.
Мне безразлично – на каком

Попытка ревности. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Непонимаемой быть встречным!

(Читателем, газетных тонн
Глотателем, доильцем сплетен...)
Двадцатого столетья – он,
А я – до всякого столетья!

Остолбеневши, как бревно,
Оставшееся от аллеи,
Мне всё – равны, мне всё – равно,
И, может быть, всего равнее –

Роднее бывшее – всего.
Все признаки с меня, все меты,
Все даты – как рукой сняло:
Душа, родившаяся – где-то.

Так край меня не уберег
Мой, что и самый зоркий сыщик
Вдоль всей души, всей – поперек!
Родимого пятна не сыщет!

Всяк дом мне чужд, всяк храм мне пуст,
И всё – равно, и всё – едино.
Но если по дороге – куст
Встает, особенно – рябина...

3 мая 1934

Куст
1
Что нужно кусту от меня?
Не речи ж! Не доли собачьей
Моей человечьей, кляня
Которую – голову прячу

В него же (седей – день от дня!).
Сей мощи, и плечи, и гущи –
Что нужно кусту – от меня?
Имущему – от неимущей!

А нужно! иначе б не шел
Мне в очи, и в мысли, и в уши.
Не нужно б – тогда бы не цвел
Мне прямо в разверстую душу,
Что только кустом не пуста:
Окном моих всех захолустий!
Что, полная чаща куста,
Находишь на сем – месте пусте?

Чего не видал (на ветвях
Твоих – хоть бы лист одинаков!)
В моих преткновения пнях,
Сплошных препинания знаках?

Чего не слышал (на ветвях
Молва не рождается в муках!),
В моих преткновения пнях,
Сплошных препинания звуках?

Да вот и сейчас, словарю
Придавши бессмертную силу, –
Да разве я то говорю,
Что знала, пока не раскрыла

Рта, знала еще на черте
Губ, той – за которой осколки...
И снова, во всей полноте,
Знать буду, как только умолкну.

2
А мне от куста – не шуми
Минуточку, мир человеческий! –
А мне от куста – тишины:
Той, – между молчаньем и речью.

Той, – можешь – ничем, можешь – всем
Назвать: глубока, неизбывна.

Невнятности! наших поэм
Посмертных – невнятицы дивной.

Невнятицы старых садов,
Невнятицы музыки новой,
Невнятицы первых слогов,
Невнятицы Фауста Второго.

Той – до всего, после всего.
Гул множеств, идущих на форум.
Ну – шума ушного того,
Все соединилось в котором.

Как будто бы все кувшины
Востока – на лобное всхолмье.
Такой от куста тишины,
Полнее не выразишь: полной.

Около 20 августа 1934

Сад
За этот ад,
За этот бред,
Пошли мне сад
На старость лет.

На старость лет,
На старость бед:
Рабочих – лет,
Горбатых – лет...

На старость лет
Собачьих – клад:
Горячих лет –
Прохладный сад...

Для беглеца
Мне сад пошли:
Без ни-лица.

Без ни-души!

Сад: ни шажка!

Сад: ни глазка!

Сад: ни смешка!

Сад: ни свистка!

Без ни-ушка

Мне сад пошли:

Без ни-душка!

Без ни-души!

Скажи: довольно муки – на

Сад – одинокий, как сама.

(Но около и Сам не стань!)

– Сад, одинокий, как ты Сам.

Такой мне сад на старость лет...

– Тот сад? А может быть – тот свет? –

На старость лет моих пошли –

На ощущение души.

1 октября 1934

«Человека защищать не надо...»

Человека защищать не надо

Перед Богом, Бога – от него.

Человек заслуживает ада.

Но и сада

Семиверстного – для одного.

Человек заслуживает – танка!

Но и замка

Феодального – для одного.

Осень 1934

«Есть счастливы и счастливицы...»

Есть счастливы и счастливицы,

Петь не могущие. Им –

Слезы лить! Как сладко вылиться

Горю – ливнем проливным!

Чтоб под камнем что-то дрогнуло,
Мне ж – призвание как плеть –
Меж стенания надгробного
Долг повелевает – петь.

Пел же над другом своим Давид,
Хоть пополам расколот!
Если б Орфей не сошел в Аид
Сам, а послал бы голос

Свой, только голос послал во тьму,
Сам у порога лишним
Встав, – Эвридика бы по нему
Как по канату вышла...

Как по канату и как на свет,
Слепо и без возврата.
Ибо раз голос тебе, поэт,
Дан, остальное – взято.

Ноябрь декабрь 1934

«Двух станов не боец, а – если гость случайный...»
Двух станов не боец,

а только гость случайный...»

Двух станов не боец, а – если гость случайный –

То гость – как в глотке кость, гость –

как в подметке гвоздь.

Была мне голова дана – по ней стучали

В два молота: одних – корысть и прочих –

злость.

Вы с этой головы – к создателю чуду

Терпение мое, рабочее, прибавь –

Вы с этой головы – что требовали? – Блуда!

Дивясь на ответ упорный: обезглавь.

Вы с этой головы, уравненной – как гряды
Гор, вписанной в вершин божественный чертеж,
Вы с этой головы – что требовали? – Ряда.
Дивясь на ответ (безмолвный): обезножь!
Вы с этой головы, настроенной – как лира:
На самый высший лад: лирический...

– Нет, стой!

Два строя: Домострой – и Днепрострой – на выбор!
Дивясь на ответ безумный: – Лиры – строй.

И с этой головы, с лба – серого гранита,
Вы требовали; нас – люби! тех – ненавидь!
Не все ли ей равно – с какого боку битой,
С какого профиля души – глушимой быть?

Бывают времена, когда голов – не надо.
Но слово низводить до свеклы кормовой –
Честнее с головой Орфеевой – менады!
Иродиада с Иоанна головой!

– Ты царь: живи один... (Но у царей – наложниц
Минута.) Бог – один. Тот – в пустоте небес.
Двух станов не боец: судья – истец – заложник –
Двух – противубоец! Дух – противубоец.

25 октября 1935

Деревья
Мятущийся куст над обрывом –
Смятение уст под наплывом
Чувств...
Кварталом хорошего тона –
Деревья с пугливым наклоном
(Клонились – не так – над обрывом!)
Пугливым, а может – брезгливым?
Мечтателя – перед богатым –
Наклоном. А может – отвратом

От улицы: всех и всего там –
Курчавых голов отворотом?

От девушек – сплошь без стыда,
От юношей – то ж – и без лба:
Чем меньше – тем выше заносят!
Безлобых, а завтра – безносых.

От тресков, зовущихся: речь,
От лака голов, ваты плеч,
От отроков – листьев новых
Не видящих из-за листовок,
Разрываемых на разрыв.

Так и лисы в лесах родных,
В похотливый комок смешаюся, –
Так и лисы не рвали мяса!

От гвалта, от мертвых лис –
На лисах (о смертный рис
На лицах!), от свалки потной
Деревья бросаются в окна –

Как братья-поэты – в реку!
Глядите, как собственных веток
Атлетикою – о железо
Все руки себе порезав –
Деревья, как взломщики, лезут!

И выше! За крышу! За тучу!
Глядите – как собственных сучьев
Хроматикой – почек и птичек –
Деревья, как смертники, кличут!

(Был дуб. Под его листвою
Король восседал...)

– Святой

Людовик – чего глядишь?

Погиб – твой город Париж!

27 ноября 1935

Савойские отрывки

<1>

В синее небо ширя глаза –

Как восклицаешь: – Будет гроза!

На проходимца вскинувши бровь –

Как восклицаешь: – Будет любовь!

Сквозь равнодушья серые мхи –

Так восклицаю: – Будут стихи!

Сентябрь 1936

«Были огромные очи...»

Были огромные очи:

Очи созвездья Весы,

Разве что Нила короче

Было две черных косы.

Ну, а сама меньше возможного!

Все, что имелось длины

В косы ушло – до подножия,

В очи – двойной ширины

Если сама – меньше возможного.

Не пожалеть красоты –

Были ей Богом положены

Брови в четыре версты:

Брови – зачесывать за уши

. . . . .

..... За душу

Хату ресницами мечь...

Нет, не годится!.....

Страшно от стольких громад!

Нет, воспоем нашу девочку

На уменьшительный лад

Попытка ревности. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
За волосочек – по рублику!

Для довершенья всего –
Губки – крушенья Республики
Зубки – крушенья всего..

Жуть, что от всей моей Сонечки
Ну – не осталось ни столечка:
В землю зарыть не смогли –
Сонечку люди – сожгли!

Что же вы с пеплом содеяли?
В урну – такую – ее?
Что же с горы не развеяли
Огненный пепел ее?

30 сентября 1937

Douce France[7]
Adieu, France!

Adieu, France!

Adieu, France!

Marie Stuart[8]
Мне Францией – нету

Нежнее страны –
На долгую память
Два перла даны.

Они на ресницах
Недвижно стоят.
Дано мне отплытье
Марии Стюарт.

5 июня 1939

СССР

Марина Цветаева. Одна из последних фотографий 1940 г.

«Двух – жарче меха! рук – жарче пуха!..»
Двух – жарче меха! рук – жарче пуха!

Круг – вокруг головы.

Но и под мехом – неги, под пухом

Гаги – дрогнете вы!

Даже богиней тысячерукой

– В гнезд, в звезд черноте –

Как ни кружи вас, как ни баюкай

– Ах! – бодрствуете...

Вас и на ложе неверья гложет

Червь (бедные мы!).

Не народился еще, кто вложит

Перст – в рану Фомы.

7 января 1940

«Ушел – не ем...»

Ушел – не ем:

Пуст – хлеба вкус.

Все – мел.

За чем ни потянусь.

...Мне хлебом был,

и снегом был,

и снег не бел,

и хлеб не мил.

23 января 1940

«Пора! для этого огня...»

– Пора! для этого огня –

Стара!

– Любовь – старей меня!

– Пятидесяти январей

Гора!

– Любовь – еще старей:

Стара, как хвощ, стара, как змей,

Старей ливонских янтарей,

Всех привиденских кораблей

Старей! – камней, старей – морей...

Но боль, которая в груди,

Старей любви, старей любви.

23 января 1940

«Не знаю, какая столица...»
Не знаю, какая столица:

Любая, где людям – не жить.

Девчонка, раскинувшись птицей,
Детеныша учит ходить.

А где-то зеленые Альпы,
Альпийских бубенчиков звон...
Ребенок растет на асфальте
И будет жестоким – как он.

1 июля 1940

«Пора снимать янтарь...»
Пора снимать янтарь

Пора менять словарь,

Пора гасить фонарь

Наддверный...

Февраль 1941

«Все повторяю первый стих...»
«Я стол накрыл на шестерых...»

Все повторяю первый стих

И все переправляю слово:

– «Я стол накрыл на шестерых»...

Ты одного забыл – седьмого.

Невесело вам вшестером.

На лицах – дождевые струи...

Как мог ты за таким столом

Седьмого позабыть – седьмую..

Невесело твоим гостям,

Бездействует графин хрустальный.

Печально – им, печален – сам,

Непозванная – всех печальней.

Невесело и несветло.

Ах! не едите и не пьете.

– Как мог ты позабыть число?

Как мог ты ошибиться в счете?

Как мог, как смел ты не понять,
что шестеро (два брата, третий –
Ты сам – с женой, отец и мать)
Есть семеро – раз я на свете!

Ты стол накрыл на шестерых,
Но шестерыми мир не вымер.
Чем пугалом среди живых –
Быть призраком хочу – с твоими,

(Своими)...

Робкая как вор,

О – ни души не задевая! –
За непоставленный прибор
Сажусь незваная, седьмая.

Раз! – опрокинула стакан!
И все, что жаждало пролиться, –
Вся соль из глаз, вся кровь из ран –
Со скатерти – на половицы.

И – гроба нет! Разлуки – нет!
Стол расколдован, дом разбужен.
Как смерть – на свадебный обед,
Я – жизнь, пришедшая на ужин.

..Никто: не брат, не сын, не муж,
Не друг – и все же укоряю:
– Ты, стол накрывший на шесть – душ,
Меня не посадивший – с краю.

6 марта 1941

Попытка ревности. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Даты жизни и творчества М. И. Цветаевой
1892–1910

Марина Ивановна Цветаева родилась в Москве 26 сентября (8.X) 1892 года. Отец – Иван Владимирович Цветаев (1847–1913) – профессор Московского университета, основатель Музея изящных искусств (ныне – Музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина). Мать – Мария Александровна, урожденная Мейн (1869–1906), из обрусевшей польско-немецкой семьи.

В 1894 родилась сестра Анастасия (ум. в 1993). Кроме Анастасии, у М. Цветаевой были старшие сестра и брат, дети отца от первой жены. Семья жила в Трехпрудном пер., д. № 8 (не сохранился).

Летние месяцы, до 1902, проходили в Тарусе. Из-за тяжелой болезни матери семья подолгу находилась за границей: в Италии, Германии, Швейцарии. В 1905 – в Крыму. Цветаева училась в нескольких московских гимназиях.

Писать стихи, по собственному признанию, начала с шести лет.

В октябре 1910 в Москве вышла ее первая книга стихов «Вечерний альбом».

Встречается с В. Я. Брюсовым, Эллисом, В. О. Нилендером, М. А. Волошиным, А. Н. Толстым.

1911–1914

В марте 1911 не стала держать экзамены в восьмой класс и прекратила занятия в частной гимназии М.Г. Брюхоненко.

В мае, в Коктебеле у Волошина, познакомилась со своим будущим мужем Сергеем Яковлевичем Эфроном (1893–1941).

Венчание состоялось 27 января 1912.

В феврале вышла вторая книга стихов Марины Цветаевой «Волшебный фонарь». В конце месяца новобрачные отправились в свадебное путешествие: Италия, Франция, Германия. 5 (18) сентября у М. И. Цветаевой и С. Я. Эфрона родилась дочь Ариадна (ум. в 1975).

В феврале 1913 выходит третий сборник М. Цветаевой «Из двух книг». В августе – сентябре и ноябре – декабре Цветаева с семьей живет в Коктебеле (в доме М.А. Волошина), в Ялте и Феодосии. В марте – апреле 1914 переписывается с В. В. Розановым. Осенью переезжает с семьей в дом № 8 в Борисоглебском переулке. В конце года – встреча с поэтессой С. Я. Парнок. Начинает выступать на литературных вечерах.

1915–1917

Ранней весной С. Эфрон уезжает на фронт с санитарным поездом. Весну и лето Цветаева вместе с С. Парнок проводит в Малороссии и Коктебеле. Там знакомится с О.Э. Мандельштамом.

1916 год Цветаева встретила в Петрограде. Знакомство с М. А. Кузминым. Начинается активное сотрудничество с петроградским журналом «Северные записки».

В январе – феврале встречается с приехавшим в Москву О. Мандельштамом. Весной знакомится с поэтом Тихоном Чурилиным. Летом живет в г. Александрове Владимирской губернии.

13 апреля 1917 г. у Цветаевой родилась дочь Ирина. Сентябрь – октябрь Цветаева провела в Феодосии. В ноябре вернулась в Москву. Знакомится с поэтом П. Г. Антокольским.

1918–1922

В январе в Москве появился (тайно) на несколько дней С. Эфрон и уехал в Ростов, чтобы присоединиться к Добровольческой армии.

Цветаева сближается с актерами театральной студии Е. Б. Вахтангова. Знакомство с С. Е. Голлидэй. В ноябре служит в Наркомнаце. Написаны многие стихотворения, составившие книгу «Лебединый стан», пьесы «Червонный Валет», «Метель».

Попытка ревности. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
В апреле – октябре 1919 служит регистратором в советском учреждении. На протяжении года написано много стихотворений и пьесы «Приключение», «Фортуна», «Каменный ангел», «Феникс».

В феврале 1920 в детском приюте умерла дочь Ирина.

В мае М. Цветаева впервые увидела А. Блока на его выступлении в Политехническом музее. В декабре, там же, выступала на вечере поэтов. Написано много стихотворений и поэма «Царь-Девица».

Зимой 1921 г. работает над поэмами «На Красном Коне» и «Егорушка». Знакомится с князем СМ. Волконским.

В июле узнает, что муж жив, находится в Константинополе, и собирается перебраться в Чехию.

Тяжело переживает смерть Блока и гибель Гумилева. В 1921 написано много стихотворений, созданы знаменитые лирические циклы. После долгого перерыва издана небольшая книга стихов «Версты» (издательство «Костры»). В первой половине 1922 написана поэма «Переулочки».

11 мая 1922 после получения необходимых документов Марина Цветаева с дочерью выехали в Берлин.

15 мая 1922 года М. И. Цветаева и Ариадна Эфрон приехали в Берлин. Встреча с мужем. Дружба с Андреем Белым. В июле написан очерк «Световой ливень» (о поэзии Б. Пастернака).

31 июля семья выехала из Берлина в Чехию. 5 августа приехали в Прагу. Чешский период жизни Цветаевой проходит в пригородных деревнях.

В ноябре пишет большое письмо Пастернаку – начало их неистовой переписки и дружбы. Начинает печататься в эмигрантских журналах, альманахах, газетах. Создано много лирических стихотворений.

За 1922 год в Москве и Берлине вышли книги Цветаевой – «Разлука», «Стихи к Блоку», «Конец Казановы», «Версты. Выпуск I», двумя изданиями «Царь-Девица». Завершена работа над поэмой-сказкой «Молодец».

1923–1928

В январе написан очерк «Кедр» о книге С. Волконского «Родина».

Весной – знакомство и начало романа с К. Б. Родзевичем.

Пишется много лирических стихотворений. Вышли стихотворные книги «Ремесло» и «Психея». В январе – июне 1924 написаны «Поэма Горы» и «Поэма Конца». В октябре закончена первая часть трилогии «Гнев Афродиты» – «Ариадна» (первоначально – «Тезей»).

1 февраля 1925 года у М. Цветаевой родился сын Георгий (Мур) – погиб на фронте в 1944 г. В ноябре семья Цветаевой из Чехии переезжает во Францию. Живут из-за бедности в пригородах Парижа: Бельвю, Ванве, Кламар, Медон.

Написаны многочисленные стихотворения, поэма «Крысолов», очерк о Валерии Брюсове «Герой труда». Отдельным изданием вышла в Праге поэма «Молодец».

В феврале 1926 в Париже с большим успехом прошел литературный вечер М. Цветаевой. В феврале – марте написаны статьи «Поэт о критике» и «Цветник» – резкая полемика с поэтом и критиком Г. В. Адамовичем. В марте совершила поездку в Лондон. Переписывается с Р.М. Рильке. Написаны поэмы «С моря», «Попытка комнаты», «Поэма Лестницы». Выступает на литературных собраниях и вечерах.

В феврале 1927 написаны произведения «Новогоднее» и «Твоя смерть», посвященные памяти Р. М. Рильке (умер 29 декабря 1926). В мае подготовлена к печати книга стихов «После России». Работает над трагедией «Федра». Написана «Поэма Воздуха».

В сентябре в Медоне Цветаеву навестила ее сестра Анастасия.

Попытка ревности. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Зимой 1928 вышла последняя прижизненная книга стихов Цветаевой «После России». Книга вызвала много разноречивых критических откликов. В августе начинает работу над поэмой «Перекоп». Дружба с молодым поэтом Н.П. Гронским.

7 ноября встретилась с Маяковским на вечере поэта в кафе «Вольтер». Напечатанное в ноябре в газете «Евразия» дружеское обращение Цветаевой к Маяковскому породило обвинения в эмигрантских кругах в ее «просоветскости» и весьма осложнило ее общественно-литературную деятельность.

1929–1939

В октябре 1929 Цветаева посетила Брюссель, где выступала с литературными чтениями. Началась работа над «Поэмой о Царской семье». Написан очерк о художнице Н.С. Гончаровой. Выступает на литературных собраниях и вечерах.

В августе 1930 написан стихотворный цикл памяти Маяковского.

В июне 1931 С. Я. Эфрон, воззрения которого становятся все более «советскими», что привело к связям с НКВД, подает прошение о советском гражданстве.

Цветаева работает над циклом «Стихи к Пушкину».

Написан очерк об О. Мандельштаме «История одного посвящения».

В 1932 созданы стихотворные сочинения, статьи «Поэт и время», «Искусство при свете совести», «Эпос и лирика современной России», мемуарный очерк о Волошине «Живое о живом».

В 1933–35 годах наряду со стихами, статьями, очерком «Пленный дух» (об Андрее Белом) Цветаевой написана большая часть ее автобиографической прозы.

24 июня 1935 она встретилась в Париже с Б. Пастернаком. Цветаева назвала эту встречу – «невстречей».

В мае 1936 совершает поездку в Брюссель. За год написаны отдельные стихотворения, очерк о М. Кузmine «Нездешний вечер», очерки на французском «Отец и его музей». Переводит на французский язык стихотворения А. С. Пушкина.

В январе 1937 завершен очерк «Мой Пушкин». Подготовлены к печати «Стихи к Пушкину». Работает над очерком «Пушкин и Пугачев» и «Повестью о Сонечке». Выступает в различных собраниях, связанных с Пушкинскими торжествами в Париже.

15 марта дочь Цветаевой Ариадна выехала на родину.

13 сентября арестована в Москве Анастасия Цветаева (М. И. узнает об этом после возвращения в Россию).

10 октября С. Эфрон, работавший на советскую разведку и замешанный в политическом убийстве, тайно бежал из Франции в СССР. Все это чрезвычайно омрачило и осложнило жизнь поэта.

С осени 1938 по весну 1939 Цветаевой написан цикл «Стихи к Чехии», вызванный оккупацией фашистами этой, любимой поэтом, страны.

12 июня Цветаева с сыном, мечтавшим о «социалистической родине», выехала из Франции.

19 июня М.И. Цветаева и ее сын Георгий приехали в Москву и в тот же день поселились в подмосковном поселке Болшево, где жили муж и дочь. Летом Цветаева переводит на французский язык, по заказу и «для себя», стихотворения Лермонтова.

27 августа арестована Ариадна Эфрон, а 10 октября С.Я. Эфрон.

В ноябре Цветаева с сыном покидают Болшево.

1940–1941

Зиму и весну 1940 г. М. Цветаева и ее сын прожили (сняли комнату в избе) в подмосковном Голицине. Затем ютились по разным московским адресам.

Попытка ревности. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
М. Цветаева работает над многочисленными стихотворными переводами. Написано несколько лирических стихотворений.

В октябре подготовила к изданию книгу стихотворений (не вышла). Круг общения невероятно узок.

Встречается с поэтами А. Е. Крученых и А. А. Тарковским.

Письменно обращается к Сталину, Берия, в ЦК с просьбами разобраться в «делах» мужа и дочери, помочь «в отчаянном положении» (слова Цветаевой).

7 и 8 июня 1941 встречается с А.А. Ахматовой.

8 августа вместе с группой писателей Цветаева и Георгий Эфрон эвакуировались на пароходе из Москвы. Провожали их Б. Пастернак и молодой поэт В. Боков.

18 августа прибыли в Елабугу. Сняли часть горницы за занавеской в избе на ул. Ворошилова. На несколько дней Цветаева выезжала в Чистополь, чтобы получить какую-нибудь работу. Сохранилась ее записка от 26 августа, где она просит принять «на работу в качестве судомойки в открывающуюся столовую Литфонда».

31 августа 1941 года, когда в доме никого не было, Марина Ивановна Цветаева покончила с собой.

Похороны состоялись 2 сентября на местном кладбище. Могила неизвестна.

Примечания

1

Родина (нем.).

2

Тайный советник Гете (нем.).

3

Швабские ворота (нем.).

4

В Москве тогда думали, что Царь расстрелян на каком-то уральском полустанке (примеч. М. Цветаевой).

5

Немножко, чуточку (нем.).

6

Дансеры в дансингах (примеч. М. Цветаевой).

7

Нежная Франция (фр.).

8 Прощай, Франция! Мария Стюарт (фр.).

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://tsvetaevamarina.ru>/ Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

Попытка ревности. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
<http://dostoevskiyfyodor.ru/>
сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!